РОМАН

ПОСЛЕДНИЙ СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

СВОБОДА ИМЕЕТ ЦЕНУ

Олег Никитин

Последний свободный человек

«Автор»
2026

Никитин О. В.

Последний свободный человек / О. В. Никитин — «Автор», 2026

Будущее стало началом новой эпохи. Искусственный интеллект изменил человечество, уничтожил миллионы рабочих мест и привёл к краху прежнего мирового порядка. На руинах старой цивилизации возникли государства с совершенно разными представлениями о свободе: от высокотехнологичной Территории объединённых технологий до восстановленных империй, диктатур и обществ, в которых рабство снова стало нормой.Шелдон Рид живёт в идеальном мире, где нет голода, безработицы и привычных человеческих проблем. Но однажды он решает покинуть его, чтобы узнать, что такое настоящая свобода.Впереди его ждут восстановленный Рим, рабовладельческий Вавилон, политические интриги и открытия.Постепенно Шелдон понимает: технологии не обязательно уничтожают свободу, а отказ от них не гарантирует её обретения. За громкими лозунгами скрываются интересы тех, кто стремится управлять людьми.Но кто на самом деле свободен в мире, где каждый обещает человеку свободу, а сам мечтает получить власть над ним?

© Никитин О. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. ИЛЛЮЗИЯ СВОБОДЫ 5
Глава 2. Голоса из-за границы 14
Глава 3. Запрет на возвращение 25
Глава 4. Человек, который уже уехал 34
Глава 5. Цена свободы 43
ГЛАВА 6. ЗА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТОЙ 54
Часть II. Земля свободных людей 65
ГЛАВА 8. АРХИТЕКТОРЫ ХАОСА 73
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Олег Никитин
Последний свободный человек

ЧАСТЬ I. ИЛЛЮЗИЯ СВОБОДЫ
Глава 1. Город, в котором всё предусмотрено

В Хофбурге почти никогда ничего не происходило неожиданно.

Город знал, когда его жители проснутся, сколько времени им понадобится на завтрак, каким маршрутом они отправятся на работу и где вечером захотят провести свободное время. Он заранее распределял транспортные потоки, регулировал освещение, управлял энергоснабжением и даже корректировал температуру в общественных пространствах в зависимости от количества людей.

Если кто-то опаздывал, система знала об этом раньше него.

Если на улице начинался дождь, беспилотные службы уже направляли к нужным районам защитные навесы.

Если в больнице возникала нехватка специалистов, необходимые сотрудники получали уведомления ещё до того, как администрация успевала сформулировать запрос.

Здесь не приходилось бороться с обстоятельствами.

Именно поэтому Хофбург считался одним из лучших городов на планете.

Шелдон Рид жил на двадцать третьем этаже жилого комплекса в центральном районе. Ему было двадцать семь лет. Он не имел семьи, не испытывал недостатка в деньгах — точнее, в том, что заменило деньги, — и занимался работой, которую считал интересной.

Его квартира была небольшой, но комфортной. Панорамное окно выходило на широкую магистраль, зелёные террасы и башни административного квартала. Мебель, освещение, бытовые устройства и климатическая система подстраивались под привычки владельца.

Шелдону не нужно было думать о бытовых мелочах.

Иногда ему казалось, что он вообще слишком редко о чём-либо думал.

— Доброе утро, Шелдон.

Голос персонального помощника прозвучал негромко. Он был женским, спокойным и почти человеческим. За несколько лет Шелдон настолько привык к нему, что иногда забывал: за этим голосом не стоял человек.

— Доброе.

— Ты спал семь часов сорок две минуты. Продолжительность сна соответствует твоей индивидуальной норме. Сегодня у тебя запланированы три рабочих блока и одна встреча. Первый блок начинается через пятьдесят минут.

— Я знаю.

— Твоя физическая активность за последние три дня ниже рекомендованного уровня. Предлагаю изменить маршрут и пройти пешком до рабочего центра.

— Посмотрим.

— Ты уже говорил это вчера.

Шелдон открыл глаза.

— А ты уже спрашивала вчера.

— Верно.

Он усмехнулся и сел на кровати.

За окном медленно светлело небо. На соседних зданиях включалась система очистки фасадов. Внизу, почти бесшумно, двигались транспортные капсулы. На специальных площадках приземлялись беспилотные аппараты доставки.

Город выглядел безупречно.

В детстве Шелдон любил рассматривать старые фотографии. Его дед иногда показывал снимки улиц, сделанные в начале XXI века: переполненные автобусы, пробки, очереди, магазины, заводские цеха, офисы с рядами рабочих столов.

На некоторых фотографиях люди выглядели уставшими. На других — раздражёнными. Иногда они улыбались, но чаще были заняты чем-то, что требовало от них постоянных усилий.

Шелдон не понимал, зачем люди добровольно жили так.

Однажды он спросил деда:

— А почему вы просто не сделали всё автоматическим?

Дед тогда долго смотрел на фотографию старого рабочего коллектива.

— Потому что не всё можно сделать автоматическим.

— Почему?

— Потому что люди иногда хотят сами решать, что им делать.

Шелдон рассмеялся.

— Даже если это хуже?

— Особенно если это хуже.

Тогда ответ показался ему бессмысленным.

Теперь он иногда вспоминал его.

После завтрака Шелдон вышел из квартиры.

Лифт уже ожидал его на этаже. Двери открылись прежде, чем он успел подойти. Внутри находились пожилой мужчина и девушка в рабочей форме медицинского центра.

— Доброе утро, — поздоровался Шелдон.

Мужчина ответил кивком. Девушка улыбнулась.

Лифт бесшумно опустился на первый уровень.

В холле жилого комплекса находилась информационная панель. На ней отображались новости Хофбурга.

«Продолжительность жизни граждан увеличилась на 2,4 процента».

«Завершена разработка нового биосовместимого материала для восстановления нервных тканей».

«Общественный индекс удовлетворённости достиг очередного исторического максимума».

«Искусственная монархия утвердила программу восстановления природных территорий Северного побережья».

Шелдон задержался возле последней новости.

На экране появилось изображение монарха — Александра Рейнхольда. Высокий мужчина лет пятидесяти, аккуратно уложенные волосы, спокойное выражение лица, тёмный церемониальный костюм с золотым знаком ТОТ на груди.

Он занимал должность уже четвёртый год.

Его выступления транслировались по всем основным информационным каналам. Он посещал научные центры, открывал новые учреждения, участвовал в государственных церемониях и регулярно обращался к гражданам.

При этом все прекрасно знали, что монарх не управлял государством.

В ТОТ существовала особая форма государственного устройства, получившая название «Искусственная монархия».

Верховная власть принадлежала искусственному интеллекту. Он определял стратегические направления развития, распределял ресурсы, принимал управленческие решения и контролировал исполнение установленных правил.

Монарх являлся формальным главой государства, выбранным самой системой.

Не народом.

Не парламентом.

Не политической партией.

Именно искусственным интеллектом.

Его задачей было представлять государство, исполнять решения верховного управления и обеспечивать взаимодействие между системой и обществом.

Шелдон никогда не считал это чем-то особенно странным.

Если искусственный интеллект способен управлять многомиллионной территорией лучше любого человека, зачем пытаться заменить его политиками?

История прежних государств давала достаточно оснований сомневаться в способностях последних.

— Шелдон, — произнёс знакомый голос.

— Что?

— Ты задержался возле информационной панели на сорок три секунды дольше обычного.

— И что?

— Ничего. Просто фиксирую изменение привычного поведения.

— Может, мне понравился монарх.

— Твои предыдущие оценки его публичных выступлений были нейтральными.

— Вот видишь. Прогресс.

Помощник не ответил.

Шелдон улыбнулся и направился к транспортной станции.

Рабочий центр располагался в административном квартале, неподалёку от здания общественной аналитики.

Шелдон занимался изучением исторических и социальных процессов. Его работа не относилась к числу наиболее престижных, но была интересной. Он анализировал архивные материалы, сопоставлял данные разных периодов и участвовал в подготовке образовательных программ.

В последнее время его особенно занимала история распада прежнего мирового порядка.

Большинство молодых людей воспринимали существующую систему как нечто естественное. Они родились в мире, где искусственный интеллект управлял практически всем, и с трудом представляли, что когда-то люди самостоятельно распределяли ресурсы, управляли предприятиями, принимали государственные решения и даже вручную рассчитывали налоги.

Шелдон хотел понять, как человечество пришло к такому устройству.

В рабочем помещении его встретил Натан.

— Опять опоздал.

— На две минуты.

— На три.

— Ты специально следил?

— Нет. Просто система сообщила, что ты должен был прибыть раньше.

Натан был старше Шелдона на несколько лет. Он работал в соседнем подразделении и обладал редкой способностью относиться к любому событию с одинаковой степенью иронии.

— Как успехи? — спросил Шелдон.

— Нашёл кое-что интересное в архиве.

— Что именно?

Натан повернул экран.

На нём отображалась старая фотография улицы. Люди стояли возле административного здания, держали плакаты, а на заднем плане виднелась перевёрнутая машина.

— Это 2037 год, — пояснил Натан. — Один из периодов массовых революций.

— Знаю.

— Посмотри на плакат.

Шелдон приблизил изображение.

«МАШИНЫ НЕ ДОЛЖНЫ ЗАМЕНЯТЬ ЛЮДЕЙ!»

— Знакомый лозунг, — сказал он.

— А вот это интереснее.

Натан открыл соседний файл. На другой фотографии находился мужчина перед толпой. Он держал микрофон, а за его спиной висел огромный баннер:

«ВЕРНЁМ ЧЕЛОВЕКУ ЕГО ПРАВО НА ТРУД!»

— Ты представляешь, сколько людей тогда вышло на улицы? — спросил Натан.

— Миллионы.

— Десятки миллионов. В некоторых государствах протесты перерастали в вооружённые восстания. Предприятия уничтожали, исследовательские центры захватывали, специалистов преследовали. Люди требовали остановить внедрение искусственного интеллекта.

— Но решение уже было принято.

— Да. Тринадцатого марта 2030 года.

Они замолчали.

Эта дата была известна каждому школьнику ТОТ.

Тогда ООН приняла историческое решение о глобальном внедрении искусственного интеллекта в ключевые отрасли человеческой деятельности. Инициатива задумывалась как программа ускоренного развития цивилизации, но её последствия оказались совершенно непредсказуемыми.

Автоматизация уничтожила миллионы рабочих мест. Сначала люди потеряли места на производстве, затем в транспортной отрасли, торговле, банковской сфере, юриспруденции, образовании и медицине.

Постепенно исчезла необходимость в огромном количестве профессий.

Правительства пытались сохранить прежний порядок. Вводили выплаты, программы переобучения, ограничения на использование машин. Но экономика уже изменилась настолько, что старые механизмы управления перестали работать.

Одни страны погрузились в гражданские войны, другие превратились в диктатуры, третьи распались на отдельные территории.

Северная Америка выбрала иной путь.

Она решила не бороться с искусственным интеллектом, а полностью перестроить общество вокруг него.

Так возникла Территория объединённых технологий.

— Иногда думаю, — произнёс Натан, — что нам повезло.

— Почему?

— Потому что наши предки не стали воевать с будущим.

Шелдон посмотрел на фотографию.

— А может, просто победили те, у кого были лучшие машины.

Натан рассмеялся.

— Ты сегодня философствуешь?

— Нет. Просто читаю историю.

— Тогда почитай что-нибудь ещё. Например, историю древнего Вавилона. Говорят, там тоже считали, что знают, как правильно устроить человеческое общество.

— И чем закончилось?

— Как обычно. Кто-то построил дворец, а кто-то таскал для него кирпичи.

Они рассмеялись.

Разговор закончился, и каждый вернулся к своей работе.

Но одна мысль осталась у Шелдона.

Возможно, история человечества действительно представляла собой бесконечную попытку одних людей объяснить другим, как им следует жить.

Менялись правители, законы, религии и технологии.

А желание распоряжаться чужой судьбой почему-то оставалось неизменным.

После рабочего блока Шелдон отправился в общественный ресторан.

Такие заведения располагались практически в каждом районе. Здесь можно было получить полноценный обед независимо от общественного рейтинга. Дополнительные баллы позволяли пользоваться отдельными сервисами, посещать специальные культурные пространства и участвовать в некоторых закрытых программах, но обычное питание было доступно всем.

Система общественных баллов стала основой социальной организации ТОТ.

Учёный получал баллы за открытия, врач — за спасённые жизни, инженер — за созданные разработки, преподаватель — за подготовку новых поколений. Человек, посвятивший себя искусству, воспитанию детей или общественной деятельности, также мог рассчитывать на достойную оценку своего труда.

Баллы не покупали еду и не спасали от голода.

Базовые потребности граждан обеспечивались государством независимо от их рейтинга.

Однако именно баллы определяли дополнительные возможности, престиж и доступ к некоторым ограниченным ресурсам.

Система утверждала, что впервые в истории человечества ценность человека стала определяться не происхождением, состоянием семьи или связями, а его вкладом в общее благополучие.

Шелдон считал эту идею справедливой.

По крайней мере, он не видел убедительной альтернативы.

— Ваш стандартный рацион? — спросил голос системы.

— Сегодня что-нибудь другое.

— Могу предложить несколько вариантов с учётом твоих предпочтений.

— Удиви меня.

— Удивление не входит в число гарантируемых результатов.

Шелдон усмехнулся.

Через несколько минут перед ним появился обед.

Он выбрал место возле окна. За соседними столиками сидели студенты, инженеры, медицинские работники и несколько пожилых людей.

Молодая пара обсуждала предстоящее путешествие. За другим столом мужчина рассказывал ребёнку о космических экспедициях. Несколько студентов спорили о результатах научного конкурса.

Обычная жизнь.

Спокойная, безопасная, предсказуемая.

Шелдон посмотрел на людей и подумал, что большинство из них, вероятно, никогда не задавалось вопросом, кто именно принимает решения, определяющие их повседневность.

Да и зачем?

Транспорт работал. Больницы принимали пациентов. Образование было доступным. Продукты не исчезали с полок. Жильё предоставлялось в соответствии с потребностями. Никто не оставался без средств к существованию только потому, что потерял работу.

Можно было спорить о качестве управления, но трудно было отрицать результат.

И всё же Шелдон иногда ловил себя на странном ощущении.

Людям не хватало чего-то важного.

Он не мог объяснить, чего именно.

Возможно, риска.

Возможно, необходимости самостоятельно принимать решения.

Или того ощущения, когда результат твоего труда действительно зависит от тебя самого.

В прежнем мире человек мог потерять работу, заболеть, разориться, остаться без крыши над головой. Это было ужасно. Но, судя по старым воспоминаниям, люди одновременно ощущали, что многое в их жизни зависит от собственных действий.

В ТОТ человек был защищён от большинства подобных обстоятельств.

Но иногда Шелдону казалось, что вместе с опасностями из человеческой жизни исчезла и часть её содержания.

Он не был уверен, что это действительно проблема.

Возможно, просто слишком много читал старых книг.

Вечером Шелдон вернулся домой.

Он включил информационную панель и стал просматривать материалы, рекомендованные системой. Сначала появились новости о научных открытиях, затем документальный фильм о развитии городов, после него — обсуждение нового образовательного проекта.

Ничего необычного.

Но среди рекомендованных материалов неожиданно появился ролик с незнакомым названием:

«ЖИЗНЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ МАШИН. КАК ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВЕРНУЛО СЕБЕ СВОБОДУ».

Шелдон остановился.

На экране появилось изображение небольшого европейского поселения. Люди работали на земле, строили деревянные дома, торговали на рынке, разговаривали друг с другом.

В кадре не было небоскрёбов, транспортных капсул и автоматизированных производств.

Затем появился мужчина лет сорока. Он стоял на фоне старого каменного здания и смотрел прямо в камеру.

— Когда-то нам говорили, что машины сделают нас счастливыми, — произнёс он. — Нам обещали избавление от тяжёлого труда, болезней и нищеты. Но никто не объяснил, что произойдёт, когда человек перестанет быть необходимым.

Картинка сменилась.

Теперь показывали огромный рынок, где люди обменивались товарами, обсуждали цены и торговались.

— Нас уверяли, что общество без денег станет справедливым. Но кто определяет ценность человека? Кто решает, сколько он заслужил? И почему машина имеет право оценивать человеческий вклад?

Шелдон откинулся на спинку кресла.

Мужчина продолжал:

— Сегодня в некоторых государствах человеку достаточно родиться, чтобы получить всё необходимое. Но разве это свобода? Разве можно считать свободным того, чью жизнь полностью организовали другие?

На экране появились изображения римских улиц, восстановленного Колизея, людей, собравшихся на площади.

— Мы возвращаемся к истокам. Мы возвращаем себе право трудиться, право выбирать, право ошибаться и право отвечать за собственную судьбу. Человек не должен быть приложением к машине.

Шелдон смотрел не отрываясь.

Ему нравилась эта мысль.

Он никогда не был противником технологий. Пользовался ими ежедневно, ценил удобство и понимал, что без искусственного интеллекта современное общество было бы невозможно.

Но впервые кто-то сформулировал то, о чём он сам размышлял последние несколько месяцев.

А что, если удобство действительно стало слишком дорогим?

Что, если человек постепенно перестал замечать, что его жизнь организована кем-то другим?

Ролик закончился.

На экране появилось предложение посмотреть следующую часть.

Шелдон нажал.

Вместо продолжения возникло предупреждение:

«Материал распространяется из внешнего информационного пространства. Его происхождение не подтверждено. Сведения могут содержать манипулятивные утверждения».

Он прочитал сообщение и усмехнулся.

— Конечно. Манипулятивные утверждения.

— Желаете ознакомиться с анализом достоверности материала? — спросил помощник.

— Нет.

— В ролике содержатся признаки внешней пропаганды.

— Я понял.

— Рекомендую ознакомиться с историческими источниками, прежде чем формировать мнение.

— Хорошо.

Но Шелдон не стал открывать исторические источники.

Он вернулся к ролику и посмотрел его ещё раз.

Затем третий.

В какой-то момент обнаружил, что уже почти час изучает материалы о внешнем мире.

Там рассказывали о новых государствах, восстановленных монархиях, религиозных общинах, самостоятельных поселениях и людях, которые сознательно отказались от искусственного интеллекта.

Особенно его заинтересовала Римская империя.

Восстановленный Колизей, императорские дворцы, легионы, торжественные шествия, старинная архитектура.

Всё это выглядело совершенно невероятно.

Шелдон открыл историческую справку.

Когда-то Рим был величайшей державой античного мира. Затем исчез, оставив после себя руины, законы, архитектуру и огромное культурное наследие.

Теперь, спустя тысячелетия, люди снова восстановили империю.

Он перешёл к материалам о Вавилоне.

Затем к сведениям о других государствах.

Чем больше он читал, тем сильнее укреплялась мысль, что за пределами ТОТ существует совершенно другая жизнь.

Не обязательно лучшая.

Но другая.

А возможно, именно этого ему и не хватало.

Поздно вечером Шелдон стоял возле окна.

Хофбург сиял тысячами огней. Внизу продолжали двигаться транспортные капсулы, на крышах зданий работали автоматические службы, а городская инфраструктура функционировала с безупречной точностью.

Всё было на своих местах.

Именно так, как должно было быть.

— Ты сегодня выглядишь задумчивым, — произнёс помощник.

— А ты сегодня особенно наблюдателен.

— Твои показатели эмоциональной активности отличаются от средних значений за последние недели.

— И что ты рекомендуешь?

— Отдых. Возможно, небольшое путешествие внутри территории ТОТ.

— А если я хочу путешествовать за её пределами?

Последовала короткая пауза.

— Ты рассматриваешь возможность добровольного выезда?

Шелдон повернулся к панели.

— Просто спрашиваю.

— Выезд из ТОТ разрешён. Однако в соответствии с действующим законодательством гражданин, добровольно покинувший территорию государства, утрачивает право на возвращение. Это правило распространяется на всех граждан без исключения.

— Я знаю.

— Хочешь ознакомиться с причинами введения данного ограничения?

— Нет.

— Большинство граждан, рассматривающих возможность выезда, предпочитают сначала изучить условия проживания за пределами ТОТ.

— А ты считаешь, что они поступают правильно?

— Я не формирую личных предпочтений. Моя задача — предоставить информацию для принятия обоснованного решения.

Шелдон подошёл ближе к окну.

Внизу маленькая группа людей переходила улицу. Никто не торопился, никто не оглядывался, никто не опасался машин.

Город жил своей размеренной жизнью.

— Знаешь, — произнёс он, — иногда мне кажется, что мы слишком хорошо устроились.

— Уточни значение выражения.

— Слишком хорошо. Настолько, что уже забыли, зачем вообще живём.

— Согласно последним исследованиям, удовлетворённость жизнью граждан ТОТ находится на высоком уровне.

— Я не про исследования.

— Тогда я не могу дать точный ответ.

Шелдон улыбнулся.

Он выключил информационную панель и направился в спальню.

Но прежде чем лечь, ещё раз посмотрел на экран личного устройства.

Там оставалась открытой страница внешнего информационного канала.

В верхней части страницы находилась короткая надпись:

«Настоящая жизнь начинается там, где заканчивается власть машин».

Шелдон долго смотрел на эти слова.

Он ещё не знал, что через несколько месяцев покинет Хофбург.

Не знал, что увидит восстановленный Колизей, окажется среди рабов Вавилона, станет свидетелем человеческой жестокости и узнает о тайных сделках между самыми непримиримыми врагами.

Не знал, что однажды будет с тоской вспоминать обычный городской ресторан, где ему никогда не приходилось думать о том, чем заплатить за обед.

Он не знал и другого.

Человек, показанный в ролике, никогда не жил в том свободном мире, который так убедительно описывал.

Но пока Шелдон видел лишь одно: за пределами привычной жизни существовал мир, о котором он почти ничего не знал.

И ему хотелось туда попасть.

В это же время, далеко за пределами ТОТ, на одном из закрытых серверов завершилась обработка очередного отчёта.

На экране появилась строка:

«Кандидат № 001. Реакция на внешний информационный стимул — положительная».

Следом возникла другая:

«Вероятность добровольного выхода из контролируемой среды увеличилась».

Человек, сидевший перед экраном, некоторое время изучал показатели.

Затем открыл следующий файл.

В нём содержалась фотография молодого мужчины, сделанная несколько лет назад.

Шелдон Рид.

Под фотографией стояла короткая запись:

«Наблюдение продолжить. Прямое вмешательство не требуется».

Человек закрыл документ.

А в Хофбурге погас свет в квартире на двадцать третьем этаже.

Город продолжал работать.

Искусственный интеллект продолжал управлять государством.

Шелдон засыпал, уверенный, что впервые самостоятельно заинтересовался возможностью другой жизни.

Он ещё не понимал, что даже его сомнение уже стало частью чужого расчёта.

Глава 2. Голоса из-за границы

На следующее утро Шелдон проснулся раньше обычного.

Он не сразу понял, что именно его разбудило. В квартире было тихо. За панорамным окном медленно светлел Хофбург, на улицах уже двигались первые транспортные капсулы, а на соседней башне начиналась автоматическая мойка фасада.

Всё происходило в привычном порядке.

Но теперь этот порядок почему-то казался ему декорацией.

Вчерашний ролик не выходил из головы. Шелдон вспоминал рынок, шумные улицы, людей, которые торговались, спорили, работали. Особенно его зацепила фраза незнакомца о счастье по чужому расписанию.

Она казалась примитивной. Даже слишком простой для серьёзного разговора о государственном устройстве. И всё же Шелдон поймал себя на том, что мысленно возвращается к ней снова и снова.

— Доброе утро, Шелдон, — произнёс персональный помощник. — Ты проснулся сорок две минуты назад. Уровень активности мозга соответствует обычному состоянию после полноценного отдыха.

— Я не спрашивал.

— Ты выглядел задумчивым.

— А теперь ты ещё и читаешь мысли?

— Нет. Только анализирую физиологические показатели и поведение.

— Прекрасно. Значит, я могу хотя бы делать вид, что у меня есть личная жизнь.

— Разумеется. Твои личные данные защищены.

Шелдон усмехнулся и сел на кровати.

— Покажи вчерашнее видео.

— Ты имеешь в виду материал «Жизнь за пределами машин. Как человечество вернуло себе свободу»?

— Да.

— Напоминаю, что материал получен из внешнего источника. Его происхождение не подтверждено. В нём обнаружены признаки эмоционального воздействия и возможного искажения фактов.

— Ты уже говорил.

— Я обязан повторить предупреждение при повторном просмотре.

— Тогда повтори его мысленно.

Помощник не ответил.

На стене появилась запись. Тот же мужчина, тот же взгляд, те же слова.

«Когда-то нам обещали, что машины освободят человека. Что ему больше не придётся работать, бороться за место под солнцем, тратить жизнь на бессмысленные обязанности. Нам говорили, что технологии сделают нас счастливыми. Но никто не спросил, хотим ли мы быть счастливыми по чужому расписанию».

Шелдон остановил видео.

— Интересно.

— Что именно?

— Он говорит так, будто знает, о чём речь.

— Эмоциональная убедительность не является доказательством достоверности.

— А отсутствие эмоций является?

— Нет.

— Значит, ты тоже не знаешь.

— Я могу предоставить сведения о вероятности достоверности отдельных утверждений.

— Не нужно. Я хочу сам разобраться.

— Это твоё право.

Шелдон посмотрел на экран. Мужчина на остановленном кадре словно смотрел прямо на него.

«Хотим ли мы быть счастливыми по чужому расписанию?»

Он выключил видео.

Впервые за долгое время ему хотелось не получить готовый ответ, а найти его самостоятельно.

В аналитическом центре было прохладно, светло и непривычно пусто.

Рабочее пространство не напоминало старые офисы из исторических фильмов. Здесь не было столов, заваленных бумагами, перегородок, кип документов и людей, которые часами смотрели в мониторы. Каждый специалист занимал отдельную рабочую зону, а большая часть вычислительных и аналитических операций выполнялась центральной системой.

Люди приходили сюда не потому, что без них невозможно было провести расчёты.

Они приходили потому, что общество всё ещё считало человеческое участие важным.

Шелдон иногда задавался вопросом, насколько искренним было это убеждение.

— Ты сегодня рано, — заметил Натан, когда Шелдон подошёл к своей зоне.

— Не спалось.

— Серьёзные причины или очередной философский кризис?

— Пока не определился.

Натан улыбнулся.

— Я вчера нашёл интересный архив.

— Опять революции?

— Нет. Внешние информационные материалы.

— Ты видел ролик о жизни за пределами машин?

Натан на секунду задумался.

— Какой именно?

— Там мужчина рассказывал, что люди вернули себе свободу. Показывали рынки, мастерские, старые города. Кажется, в Риме.

— А, видел. Его вчера несколько раз пересылали в открытых обсуждениях.

— И что думаешь?

— Думаю, что люди за пределами ТОТ умеют снимать красивые ролики.

— Ты даже не досмотрел?

— Досмотрел. Особенно понравился момент, где женщина продаёт яблоки на рынке. Очень убедительно. Почти захотелось купить.

Шелдон усмехнулся.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Ты видел, что у неё за спиной?

— Что?

— Очередь. Люди стоят за продуктами. Кто-то ругается, кто-то пытается протиснуться вперёд. На заднем плане мужчина считает монеты. Очень живописно. Наверное, в их рекламном отделе решили, что хаос должен выглядеть естественно.

— Возможно, это и есть естественная жизнь.

Натан повернулся к нему.

— Ты сейчас защищаешь очередь?

— Нет. Я просто говорю, что не всё должно быть идеально.

— Конечно. Не всё должно быть идеально. Но если ты хочешь постоять в очереди, у нас есть исторические реконструкции. Можно записаться на выходных. Тебе даже выдадут бумажный талончик.

Шелдон рассмеялся, но быстро перестал.

— Натан, а ты когда-нибудь думал, что мы слишком привыкли к тому, что за нас всё решено?

— Конечно. Вчера я полчаса выбирал между двумя вариантами завтрака. Это было тяжёлое испытание.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Шелдон, ты хочешь, чтобы система перестала управлять транспортом? Чтобы больницы снова зависели от того, успел ли врач добраться до пациента? Чтобы жильё распределяли чиновники? Или чтобы каждый человек самостоятельно решал, где строить электростанцию и сколько воды отправить в город?

— Я не об этом.

— А о чём?

Шелдон не сразу нашёл ответ.

— О праве выбирать.

— Ты можешь выбирать.

— В пределах доступных вариантов.

— Все варианты где-то имеют пределы.

— Но кто их устанавливает?

— Мы сами. Через общественные механизмы, законы, систему управления. Ты же знаешь.

— Я знаю, как это устроено официально.

Натан откинулся на спинку кресла.

— Вот теперь я начинаю беспокоиться. Ты вчера посмотрел один ролик и сегодня уже сомневаешься в государственном устройстве?

— Я не сомневаюсь. Я задаю вопросы.

— Вопросы — хорошая вещь. Особенно когда на них есть ответы.

— А если ответов нет?

— Тогда ищи. Только не путай отсутствие ответа с доказательством того, что тебя обманывают.

Натан вернулся к своей работе.

Шелдон не стал продолжать спор.

Возможно, коллега был прав. Один эмоциональный ролик ничего не доказывал. Но ведь и официальные объяснения не становились истиной только потому, что их ежедневно повторяли в образовательных программах.

Он открыл архив внешних материалов и ввёл название ролика.

Система выдала несколько копий, аналитические заключения, предупреждения о недостоверности и подборку связанных публикаций.

Большинство материалов повторяли одну и ту же мысль: ТОТ превратила человека в придаток вычислительной системы. Люди перестали быть хозяевами собственной судьбы. Искусственная монархия — лишь красивая оболочка для власти машин.

Шелдон пролистал публикации.

Среди них обнаружился небольшой текст без фотографии и указания автора.

«Однажды вы поймёте, что безопасность — это не свобода».

Он открыл сообщение.

«Вам не обязательно верить тем, кто живёт за пределами ТОТ. Вам достаточно вспомнить, когда в последний раз вы принимали решение, последствия которого нельзя было отменить нажатием одной кнопки».

Шелдон перечитал текст.

Ниже находилась ссылка на открытый канал.

Сообщение было опубликовано всего несколько часов назад.

— Помощник, проверь источник.

— Канал зарегистрирован вне территории ТОТ. Достоверные сведения о владельце отсутствуют. Часть публикаций удалена. Некоторые материалы содержат политические призывы.

— Есть признаки мошенничества?

— Прямых признаков финансового мошенничества не обнаружено.

— А информационной операции?

— Вероятность присутствует.

— Насколько высокая?

— Недостаточно данных для точной оценки.

Шелдон открыл канал.

Публикации были короткими. Никаких громких лозунгов, призывов к восстанию или прямых оскорблений. Авторы писали о повседневной жизни.

Один рассказывал о работе в небольшой мастерской, где люди вручную ремонтировали старую технику. Другой выкладывал фотографии улиц, рынков и жилых домов. Третий рассуждал о том, что человек должен иметь право на ошибку.

Шелдон задержался на последней публикации.

«В ТОТ вам говорят, что вы защищены от голода, болезней, безработицы и преступности. Возможно, это правда. Но задумывались ли вы, почему вам так важно быть защищёнными от всего? Человек, который никогда не рискует, постепенно забывает, что способен принимать решения».

Он задумался.

В комментариях спорили.

«Вы называете свободой возможность умереть от голода?» — написал один пользователь.

Ему ответили:

«Нет. Я называю свободой возможность самому решить, чем заниматься, даже если это не приносит пользы государству».

Следующий комментарий был ещё интереснее:

«А если ваше решение навредит другим?»

Ответ:

«Тогда отвечайте за последствия. Но не перед машиной».

Шелдон перечитал последние слова.

Не перед машиной.

Он не замечал, насколько часто в последнее время думал о системе как о ком-то отдельном. Хотя прекрасно понимал: искусственный интеллект не был человеком, не обладал человеческими желаниями и не испытывал эмоций.

Но в повседневной жизни он принимал решения, которые раньше принадлежали тысячам людей.

Именно это, вероятно, и пугало авторов канала.

Шелдон прокрутил страницу ниже.

Там находилось личное сообщение:

«Если вы действительно хотите понять, как живут люди за пределами ТОТ, не смотрите рекламные ролики. Поговорите с теми, кто там живёт. И с теми, кто уехал из Хофбурга».

Под сообщением стояла отметка: «Открыть диалог».

Шелдон некоторое время смотрел на неё.

Потом нажал.

Первый ответ пришёл через несколько минут.

«Здравствуйте. Не ожидал, что кто-то из ТОТ заинтересуется нашим каналом».

Шелдон написал:

«Почему?»

Ответ появился не сразу.

«Потому что обычно вы считаете нас необразованными, бедными и опасными. Иногда всё это правда. Но не всегда».

Шелдон усмехнулся.

«Я не считаю вас необразованными».

«Тогда вы уже отличаетесь от большинства».

«Я хочу узнать, почему вы считаете ТОТ несвободной территорией».

Собеседник ответил почти мгновенно:

«А вы считаете себя свободным?»

Шелдон не стал торопиться с ответом.

«Да».

«Почему?»

«Потому что могу выбирать, где жить, чем заниматься, с кем общаться. Могу путешествовать. Могу отказаться от работы. Могу выражать своё мнение».

«Вы можете отказаться от работы и продолжать получать базовое обеспечение?»

«Да».

«Можете жить без баллов?»

«Да».

«Можете покинуть ТОТ?»

«Да».

«Можете вернуться после добровольного выезда?»

Шелдон остановился.

Он уже знал, что ответить.

«Нет».

Собеседник написал:

«Вот видите. Вы можете покинуть территорию, но не можете передумать. Странное понимание свободы».

Шелдон почувствовал раздражение.

«Это правило связано с безопасностью государства. Оно защищает общество от внешнего вмешательства».

«От какого именно?»

«Разведывательной деятельности, диверсий, информационных угроз».

«То есть человек, который решил посмотреть мир, автоматически становится угрозой?»

«Нет. Но после выезда невозможно гарантировать, что он не подвергался воздействию внешних структур».

«А если он не подвергался?»

«Система не может знать этого наверняка».

«Тогда получается, что система не доверяет своим гражданам».

Шелдон хотел ответить, но не нашёл формулировки, которая не повторяла бы официальные объяснения.

Он написал:

«А вы доверяете своим правительствам?»

Ответ пришёл через несколько секунд.

«Нет».

Шелдон усмехнулся.

«Тогда в чём разница?»

«В том, что мы хотя бы не делаем вид, будто всё происходит ради нашего блага».

Эта фраза задела его сильнее, чем он ожидал.

Он посмотрел на время. Разговор длился уже почти двадцать минут.

«Как вас зовут?» — написал Шелдон.

«Можете называть меня Ильёй».

«Вы живёте за пределами ТОТ?»

«Да».

«Где?»

«Сейчас не имеет значения».

«Почему?»

«Потому что вы пока не знаете, хотите ли действительно узнать правду или просто ищете подтверждение своим сомнениям».

Шелдон откинулся на спинку кресла.

Этот человек разговаривал с ним так, будто они были знакомы много лет. Он не пытался продать ему что-либо, не просил денег, не предлагал немедленно присоединиться к какой-нибудь организации.

Напротив, его осторожность казалась почти разумной.

«Вы когда-нибудь жили в ТОТ?» — спросил Шелдон.

Ответ появился не сразу.

«Да».

«Почему уехали?»

«Потому что однажды понял: мне не нравится жизнь, в которой всё уже решено».

«Что именно было решено?»

«Слишком многое».

«Например?»

«Кем я могу стать. Что считается полезным. Какие возможности мне доступны. Какие риски допустимы. Что нужно обществу. Что нужно мне».

Шелдон прочитал сообщение несколько раз.

«Вы ведь могли изменить профессию, переехать, заняться наукой, искусством, чем угодно».

«Мог. И система бы мне помогла».

«Тогда в чём проблема?»

«В том, что помощь иногда незаметно превращается в управление. А управление — в привычку. Потом ты уже не замечаешь, что перестал решать самостоятельно».

Шелдон почувствовал, что разговор начинает напоминать спор с самим собой.

«Вы говорите так, будто за пределами ТОТ человек полностью свободен».

«Нет. Здесь тоже есть ограничения. Иногда очень жестокие. Я не собираюсь вам рассказывать, что у нас всё прекрасно».

«Тогда почему вы не вернулись?»

На этот раз ответ задержался надолго.

«Потому что не могу».

Шелдон посмотрел на экран.

«Из-за запрета?»

«Да».

«И вы считаете это справедливым?»

«Нет. Но я уже привык жить с последствиями своего решения».

Шелдон задумался.

Впервые за весь разговор он почувствовал не раздражение и не любопытство, а что-то похожее на уважение.

Человек действительно покинул Хофбург. Отказался от комфортной жизни, от гарантированного обеспечения, от привычной системы. И теперь не мог вернуться.

Это было именно то, о чём Шелдон думал последние дни.

«Вы скучаете по ТОТ?» — спросил он.

«Иногда».

«По чему?»

«По порядку. По медицине. По тому, что не нужно было думать, где достать воду, как оплатить жильё и чем кормить детей. По тому, что можно было просто выйти на улицу ночью и не опасаться, что тебя ограбят».

«Тогда почему вы называете ТОТ несвободной?»

«Потому что свобода и комфорт — разные вещи».

Шелдон не ответил.

Илья продолжил:

«Я не прошу вас ненавидеть ТОТ. Я прошу только не путать благополучие с правом распоряжаться собственной жизнью».

Шелдон закрыл переписку, но уже через несколько минут снова открыл её.

Он перечитывал сообщения во время перерывов, по дороге домой, даже за обедом. И каждый раз находил в словах Ильи новые оттенки.

Тот не был похож на людей из пропагандистского ролика. Не говорил о великой революции, не призывал уничтожить искусственный интеллект, не называл жителей ТОТ рабами. Он даже признавал, что скучает по прежней жизни.

Именно поэтому его слова казались убедительными.

Вечером Шелдон снова открыл канал.

Там появилась новая публикация.

«Письмо тем, кто ещё не уехал».

Текст был коротким:

«Вы можете быть довольны своей жизнью. Можете любить свой город, уважать его порядок и считать решения системы разумными. Мы не спорим с этим.

Но однажды вы можете захотеть чего-то, что не предусмотрено вашей жизнью. Не потому, что это полезно обществу. Не потому, что это одобрено аналитиками. Не потому, что вы заработали достаточно баллов.

Просто потому, что вы этого хотите.

И тогда вы узнаете, насколько свободны».

Под публикацией не было комментариев. Только несколько сотен отметок о прочтении.

Шелдон закрыл канал.

Он подошёл к окну. Внизу город жил своей привычной жизнью. На улицах было чисто, транспорт двигался без задержек, в жилых башнях загорались окна. На огромном экране соседнего здания показывали отчёт о работе медицинских комплексов. Уровень доступности медицинской помощи достиг очередного исторического максимума.

Всё было правильно.

Слишком правильно.

— Помощник, — произнёс Шелдон.

— Да?

— Ты можешь определить, кто такой Илья?

— По имеющимся данным невозможно установить его личность с достаточной степенью достоверности.

— А его прошлое?

— В канале есть сведения о том, что автор покинул ТОТ несколько лет назад. Подтверждения отсутствуют.

— Он может быть настоящим человеком?

— Да.

— Может быть сотрудником иностранной разведки?

— Да.

— Может быть пропагандистом?

— Да.

Шелдон усмехнулся.

— Удобно. Любой человек может быть кем угодно.

— Это не противоречит действительности.

— Ты считаешь, что мне не следует с ним общаться?

— Я не принимаю решения за тебя.

— Но можешь дать рекомендацию?

— Рекомендую соблюдать осторожность. Не передавать личные сведения, не предоставлять доступ к своим устройствам и не совершать действий, последствия которых невозможно будет отменить.

Шелдон посмотрел на окно.

— Например, не уезжать?

— Добровольный выезд из ТОТ является необратимым решением.

— Я знаю.

— Ты сегодня несколько раз обращался к материалам, посвящённым выезду из ТОТ. Могу предоставить информацию о порядке оформления разрешения.

— Нет.

— Хорошо.

Он отошёл от окна, но вскоре вернулся к рабочей панели.

На экране всё ещё оставалась открыта переписка с Ильёй.

Шелдон набрал:

«Я хочу поговорить с вами ещё раз. Но не в переписке».

Ответ пришёл спустя несколько минут.

«Почему?»

«Потому что хочу увидеть человека, который всё это пережил».

«Вы понимаете, что я не могу гарантировать вам безопасность?»

«Понимаю».

«И что встреча может быть использована против вас?»

«Понимаю».

«Тогда зачем?»

Шелдон задумался.

«Потому что я хочу знать, как выглядит жизнь, в которой никто не решает за меня».

На этот раз Илья не ответил сразу.

Прошло пять минут. Потом десять.

Шелдон уже решил, что разговор окончен, когда на экране появилось новое сообщение:

«Вы неправильно понимаете свободу. Здесь за вас тоже многое решают. Просто не всегда машины».

Шелдон нахмурился.

Следом пришло ещё одно:

«Но если вы действительно хотите посмотреть на внешний мир, я могу помочь. Только сначала вам нужно кое-что понять».

«Что именно?»

«Никто не станет встречать вас с цветами. Здесь не будет гарантированного жилья, бесплатного питания и медицинской помощи по одному запросу. Здесь придётся искать работу, договариваться, платить, ошибаться и отвечать за собственные решения. Иногда вы будете голодать. Иногда будете бояться. Иногда будете жалеть, что уехали».

«Вы хотите меня отговорить?»

«Нет. Я хочу, чтобы вы знали, куда собираетесь».

Шелдон прочитал сообщение.

Впервые за долгое время ему показалось, что кто-то разговаривает с ним без попытки успокоить, объяснить, направить или предложить оптимальное решение.

Он написал:

«А если я всё равно захочу уехать?»

Ответ появился почти сразу.

«Тогда я расскажу, с чего начать».

На следующий день в аналитическом центре Шелдон снова встретился с Натаном.

Тот сидел за рабочей панелью и просматривал результаты исследования по распределению общественных баллов.

— Ты выглядишь так, будто всю ночь спорил с кем-то, — заметил он.

— Почти.

— С кем?

— С человеком за пределами ТОТ.

Натан медленно повернулся.

— Серьёзно?

— Да.

— И как?

— Интересно.

— Он предлагал тебе купить недвижимость в Риме, вложить баллы в древнюю пирамиду или открыть собственное дело?

— Нет.

— Жаль. Я уже приготовился к финансовой консультации.

Шелдон улыбнулся.

— Он бывший гражданин ТОТ. Уехал несколько лет назад.

— И теперь рассказывает, как мы все здесь несчастны?

— Не совсем.

— А как?

— Говорит, что у нас всё хорошо. Но что комфорт — это не свобода.

Натан некоторое время молчал.

— Знаешь, Шелдон, я иногда думаю, что люди слишком романтизируют то, чего у них нет.

— В каком смысле?

— Человек, который живёт в безопасном городе, мечтает о приключениях. Человек, который живёт в опасном городе, мечтает о безопасности. Тот, у кого есть работа, мечтает не работать. Тот, кто не может найти работу, мечтает о ней. Мы всегда смотрим на чужую жизнь и видим то, чего нам не хватает.

— Возможно.

— И этот твой Илья, вероятно, тоже смотрит на Хофбург и вспоминает, как хорошо здесь было.

— Он не скрывает этого.

— Тогда он хотя бы честнее большинства пропагандистов.

Натан вернулся к панели.

Шелдон хотел было продолжить разговор, но передумал.

Он не собирался рассказывать коллеге о предложенной встрече. Пока не собирался.

В течение дня он работал над архивными материалами, проверял статистику и готовил аналитическую записку. Всё шло как обычно. Но теперь привычные вещи казались ему немного другими.

Он смотрел на людей в общественном пространстве и пытался представить, что каждый из них однажды мог бы покинуть город.

Кто-то, вероятно, мечтал о путешествиях. Кто-то хотел увидеть океан. Кто-то стремился к новым знаниям. А кто-то просто не чувствовал себя счастливым.

И все они знали правило.

Можно уехать.

Но нельзя вернуться.

Шелдон впервые задумался, сколько людей за всю историю ТОТ действительно воспользовались этим правом.

Вечером он запросил статистику.

Система выдала сведения о добровольных выездах за последние десять лет. Число оказалось меньше, чем он ожидал. Ещё меньше было тех, кто после выезда пытался оспорить запрет на возвращение.

Большинство таких обращений получали стандартный ответ: решение о добровольном выезде принято гражданином самостоятельно, правовые последствия были разъяснены заранее.

Всё было законно.

Всё было предусмотрено.

Шелдон закрыл статистику.

В 22:17 на его личную панель пришло сообщение.

От Ильи.

«Я нашёл человека, который может встретиться с вами».

Шелдон открыл переписку.

«Кто это?»

«Бывший гражданин ТОТ. Он живёт на территории, расположенной за пределами вашей границы. Знает, как устроена процедура выезда, и сможет рассказать, что вас ждёт».

«Почему он хочет мне помочь?»

«Не знаю. Возможно, ему просто интересно».

«Вы сами не можете встретиться?»

«Пока нет».

«Почему?»

«У меня есть причины».

Шелдон почувствовал лёгкое раздражение. Илья постоянно говорил о свободе, но сам избегал прямых ответов.

«Как мне связаться с этим человеком?»

В ответ пришёл файл.

В нём содержались координаты пункта связи, время и короткая инструкция.

«Не используйте официальные каналы. Не отправляйте документы. Не сообщайте никому, что собираетесь встретиться. Просто приходите».

Шелдон посмотрел на экран.

— Помощник, проверь файл.

— Файл содержит координаты внешней точки связи и инструкцию по посещению. Вредоносный код не обнаружен.

— Где находится точка?

— За пределами административной территории Хофбурга. В зоне международного транзита.

— Это безопасно?

— Уровень безопасности в указанной зоне ниже среднего показателя ТОТ.

— Насколько ниже?

— Значительно.

Шелдон усмехнулся.

— Ты умеешь убеждать.

— Я предоставляю информацию.

Он закрыл файл.

За окном темнел Хофбург. Огни башен отражались в стекле, а на улицах продолжали двигаться транспортные капсулы. Город не спал. Он следил за собственным ритмом, словно огромный живой организм, которому не требовалось человеческое участие в большинстве процессов.

Шелдон сел в кресло.

Он вдруг вспомнил деда. Тот рассказывал о старом мире, о поездках без предварительного расчёта маршрута, о людях, которые могли опоздать на работу, потерять деньги, поссориться с соседями, купить ненужную вещь, а потом всю жизнь вспоминать об этом.

Тогда Шелдон считал эти истории забавными.

Теперь они казались ему почти завидными.

Он открыл переписку и написал:

«Я приду».

Ответ появился через несколько секунд.

«Тогда до встречи».

Шелдон откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Он ещё не знал, что этот короткий разговор станет началом событий, которые изменят не только его жизнь, но и представление о мире, в котором он родился.

Он не знал, что человек, с которым он переписывался, мог быть не тем, за кого себя выдавал.

Не знал, что встреча была частью более крупной операции.

И уж точно не подозревал, что за пределами Хофбурга его ждут люди, которым он нужен вовсе не ради спасения.

Но одно он уже понял.

Впервые за долгое время ему хотелось не получить ответ от системы, а услышать ответ от другого человека.

И это желание оказалось сильнее всех предупреждений.

Глава 3. Запрет на возвращение

Шелдон трижды перечитал сообщение, прежде чем окончательно убедился, что не собирается отказываться от встречи.

Координаты находились в приграничной зоне Хофбурга, примерно в сорока минутах пути от его жилого комплекса. Ничего необычного в этом районе не было: транспортные терминалы, административные здания, пункты проверки грузов и несколько общественных пространств, предназначенных для граждан, оформлявших добровольный выезд из ТОТ.

Само решение об отъезде не требовало особых усилий. Государство не удерживало людей силой. Никто не запирал двери, не устанавливал вооружённые посты возле жилых домов и не запрещал гражданам покупать билет за пределы территории.

В этом заключалась одна из особенностей Искусственной монархии: человек мог покинуть государство практически в любой момент.

Но вернуться уже не мог.

Правило было знакомо Шелдону с детства. О нём рассказывали в школе, его подробно объясняли в образовательных программах, а перед пересечением границы каждый гражданин обязан был подтвердить, что понимает последствия своего решения.

В учебниках оно называлось принципом необратимого добровольного выхода.

Формулировка звучала нейтрально, почти технически. Но за ней скрывалось нечто гораздо более серьёзное.

Когда человек покидал ТОТ, он терял статус гражданина с правом возвращения. Его общественные баллы аннулировались, доступ к внутренним социальным программам прекращался, а прежняя система гарантий переставала действовать. Он мог сохранить личные вещи, документы и имущество, которое разрешалось вывозить, но больше не мог рассчитывать на восстановление прежнего положения.

Даже если через неделю поймёт, что совершил ошибку.

Даже если через год.

Даже если за пределами ТОТ его будет ждать смерть.

До недавнего времени Шелдон воспринимал это правило как одну из особенностей государственного устройства. Оно существовало где-то рядом с другими законами, не имея отношения к его собственной жизни.

Теперь всё изменилось.

Он открыл государственный справочник и нашёл статью о порядке добровольного прекращения гражданского статуса.

На экране появилось официальное разъяснение:

«Гражданин, добровольно покидающий территорию объединённых технологий, подтверждает осознанность своего решения и принимает на себя ответственность за дальнейшее обеспечение собственной безопасности и жизнедеятельности.

Возвращение на территорию ТОТ после завершения процедуры выхода не допускается.

Исключения не предусмотрены».

Шелдон задержал взгляд на последней строке.

Исключения не предусмотрены.

В мире, где искусственный интеллект мог рассчитать миллионы вариантов развития событий, найти лекарство от редкого заболевания, восстановить разрушенную инфраструктуру и предсказать последствия экономических решений, не существовало механизма, позволяющего человеку передумать.

Он закрыл справочник.

Возможно, для этого действительно были веские основания. Но хотелось услышать их не из безличного документа, а от живого человека.

На следующий день он решил поговорить с Натаном.

Не о встрече, не об Илье и тем более не о возможном отъезде. Пока Шелдону хотелось понять, как коллега относился к самому правилу.

Они встретились в общественной столовой. Натан выбирал между двумя блюдами, внимательно изучая состав и пищевую ценность.

— Ты когда-нибудь интересовался, почему у нас нельзя вернуться после добровольного выезда? — спросил Шелдон.

Натан поднял глаза.

— Доброе утро и тебе.

— Я серьёзно.

— Я заметил. Ты в последнее время вообще стал подозрительно серьёзным.

Натан выбрал блюдо и сел напротив.

— Что именно тебя интересует?

— Сам запрет. Почему нельзя сделать исключение? Допустим, человек уехал, пожил за пределами ТОТ, понял, что ошибся, и захотел вернуться.

— Потому что он уже не тот человек, который покидал территорию.

— В каком смысле?

— В самом обычном. Он мог попасть под влияние иностранных структур, получить доступ к закрытым сведениям, быть завербованным, подвергнуться психологическому воздействию. Ты же знаешь, как устроена внешняя информационная среда.

— Но это не означает, что каждый уехавший становится шпионом.

— Конечно, нет. Но государство должно учитывать не только вероятность добрых намерений.

— Тогда можно проводить проверку.

— А если человек прошёл проверку, но был подготовлен заранее? Если он сам не знает, что стал носителем определённой информации? Если ему внедрили программу, изменили поведение или передали инструкции, которые активируются при возвращении?

Шелдон посмотрел на Натана.

— Ты сейчас серьёзно?

— Более чем.

— Это звучит как сюжет старого шпионского фильма.

— А ты думаешь, разведывательные службы исчезли вместе с бумажными паспортами?

Натан отложил приборы.

— Мы живём в мире, где информация может быть опаснее оружия. Человеку необязательно знать государственные секреты, чтобы нанести ущерб стране. Достаточно получить доступ к определённым системам, передать чужие алгоритмы, изменить общественные настроения или стать частью хорошо подготовленной информационной операции.

— Но если человек хочет вернуться к семье?

— Это трагично. Но государственные решения не всегда могут учитывать каждую личную трагедию.

— Получается, человек платит за безопасность остальных.

— Любое общество так или иначе распределяет риски.

Шелдон отодвинул тарелку.

— А если это слишком высокая цена?

Натан пожал плечами.

— Тогда нужно предложить другую модель безопасности. Только не забывай: пока ты рассуждаешь о справедливости, кто-то должен отвечать за последствия решений.

Они замолчали.

В зале было спокойно. Люди разговаривали, кто-то просматривал новости, несколько сотрудников обсуждали научный проект. Никто не обращал внимания на их разговор.

Шелдон вдруг подумал, что Натан, возможно, прав. Внешний мир действительно мог представлять угрозу. Он знал об этом из исторических материалов, изучал конфликты, разведывательные операции и информационные войны. Необратимость запрета могла быть не прихотью власти, а результатом реального опыта.

Но оставался вопрос, который Натан так и не смог разрешить:

почему ради безопасности миллионов нельзя оставить шанс одному человеку вернуться домой?

— Ты ведь не собираешься уезжать? — неожиданно спросил Натан.

Шелдон поднял глаза.

— С чего ты взял?

— Не знаю. Ты задаёшь вопросы, которые обычно начинают задавать перед серьёзными переменами.

— Я просто изучаю устройство общества.

— Тогда изучай. Только помни: не всякая закрытая дверь означает, что за ней скрывается тайна.

— А если дверь закрыта намеренно?

Натан усмехнулся.

— Значит, у кого-то были причины её закрыть.

Этот ответ не убедил Шелдона.

Вечером он решил обратиться за официальной консультацией.

В государственном справочнике имелась возможность запросить разъяснение процедуры выезда. Он заполнил короткую форму, указал интересующие вопросы и отправил запрос.

Ответ пришёл быстрее, чем он ожидал.

Ему предложили индивидуальную консультацию со специалистом службы гражданского сопровождения. Шелдон согласился.

На следующий день на экране появилась женщина лет сорока. Её звали Елена. Спокойный голос, аккуратная одежда, доброжелательная манера общения. Ничего в её поведении не вызывало настороженности.

— Добрый день, Шелдон. Я ознакомилась с вашим запросом. Вы хотели бы получить дополнительную информацию о добровольном выезде?

— Да. Меня интересуют прежде всего последствия и возможность возвращения.

— Хорошо. Я постараюсь ответить на все ваши вопросы.

— Почему процедура возвращения полностью исключена?

Елена сделала небольшую паузу.

— После пересечения внешней границы человек оказывается в информационной и социальной среде, которую государство не может контролировать. За время пребывания за пределами ТОТ он может подвергнуться воздействию, которое невозможно достоверно установить после возвращения. Речь идёт о психологическом влиянии, информационном заражении, вмешательстве в когнитивные процессы, возможном внедрении средств наблюдения и иных угрозах.

— То есть любой человек, который уезжает, потенциально опасен?

— Нет. Мы не рассматриваем гражданина как потенциального преступника. Однако после добровольного выхода он перестаёт находиться под защитой внутренней системы безопасности.

— А если он хочет вернуться не ради доступа к государственным объектам, а просто домой?

Елена посмотрела прямо в камеру.

— Шелдон, я понимаю ваш вопрос. Но безопасность государства не может строиться исключительно на оценке намерений отдельных людей. Система должна учитывать последствия, которые могут возникнуть даже без злого умысла.

— Получается, государство больше доверяет собственным алгоритмам, чем людям?

— Государство обязано доверять процедурам, которые обеспечивают безопасность миллионов граждан. Это не вопрос доверия или недоверия. Это вопрос ответственности.

Шелдон задумался.

— А если я уеду и через месяц пойму, что совершил ошибку?

— Вы должны понимать, что такое решение будет необратимым.

— Я понял.

— В таком случае я рекомендую вам не торопиться. Вы можете изучить материалы, поговорить с людьми, которые уже воспользовались правом на выезд, и ознакомиться с условиями жизни за пределами ТОТ.

— Вы можете предоставить контакты таких людей?

— В открытом реестре доступны добровольные свидетельства бывших граждан. Некоторые из них согласились рассказывать о своём опыте.

— А можно поговорить с теми, кто хочет вернуться?

Женщина на мгновение замолчала.

— Такие люди действительно существуют. Но их обращения рассматриваются в установленном порядке.

— И что с ними происходит?

— Им разъясняют невозможность восстановления гражданского статуса.

— Всегда?

— Да.

Шелдон отвёл взгляд от панели.

— Спасибо. Я подумаю.

— Конечно. И помните: решение о выезде принимается исключительно вами. Никто не вправе принуждать вас к нему или препятствовать ему в рамках действующего законодательства.

Связь завершилась.

Шелдон остался сидеть в кресле.

Ему понравилась Елена. Она не пыталась его переубедить, не запугивала и не обвиняла. Просто объясняла правила. Возможно, сама искренне считала их необходимыми.

И всё же он чувствовал себя так, будто перед ним закрыли дверь, а затем вежливо объяснили, что дверь всегда была открыта.

Через два дня Шелдон отправился на назначенную встречу.

Он не сообщил Натану. Не стал рассказывать об этом и персональному помощнику, хотя прекрасно понимал, что скрыть сам факт поездки от внутренней системы невозможно.

Впрочем, он и не пытался.

Ему не хотелось превращать обычное желание поговорить с человеком в тайную операцию.

Транспортная капсула доставила его к приграничному терминалу в установленное время. За окном постепенно менялся городской пейзаж. Высокие жилые башни уступали место административным зданиям, затем появились складские комплексы и транспортные развязки.

На последнем участке дороги Шелдон увидел внешнюю границу.

Она не выглядела так, как он представлял её по историческим фильмам. Не было высоких бетонных стен с колючей проволокой и вооружённых солдат на вышках. Граница представ-

ляла собой сложную инфраструктурную систему: контрольные зоны, автоматические пункты проверки, транспортные коридоры и несколько крупных сооружений, предназначенных для оформления выезда.

Всё скорее напоминало огромный международный аэропорт.

Шелдон вышел из капсулы.

Внутри терминала находилось около тридцати человек. Кто-то оформлял груз, кто-то проходил проверку документов, несколько семей сидели в зоне ожидания.

Среди них был пожилой мужчина с небольшой дорожной сумкой. Он смотрел на табло, не отрываясь.

Шелдон подошёл к информационной панели.

— Добрый день. Я хотел бы получить информацию о добровольном выезде.

— Пожалуйста, приложите идентификатор гражданина.

Он выполнил инструкцию.

На экране появились его основные данные.

«Шелдон. Возраст: 27 лет. Гражданский статус: действующий. Общественный рейтинг: выше среднего. Ограничения на выезд: отсутствуют».

Ниже находилась кнопка:

«Начать процедуру добровольного прекращения гражданского статуса».

Шелдон посмотрел на неё.

Он мог нажать.

Одно движение пальца — и началась бы процедура, которая в конечном итоге лишила бы его права возвращения.

Он убрал руку.

— Я пока просто интересуюсь.

— Разумеется. Вы можете ознакомиться с информацией на соседней панели.

Он отошёл в сторону.

Пожилой мужчина всё ещё сидел у табло. Рядом с ним стояла женщина примерно сорока лет. Они тихо разговаривали.

— Вы тоже собираетесь уехать? — спросил Шелдон.

Мужчина поднял глаза.

— Да.

— Впервые?

— Нет. Я уже был за пределами ТОТ.

Шелдон удивился.

— И вернулись?

— Нет. Я покидал территорию по служебной программе. Это было давно, ещё до окончательного введения нынешнего порядка.

— А сейчас?

Мужчина посмотрел на женщину.

— Сейчас мы уезжаем окончательно.

— Почему?

Он усмехнулся.

— Жена хочет увидеть море.

Женщина слегка улыбнулась.

— Мы всю жизнь жили в одном городе. Я хочу хотя бы раз проснуться там, где за окном не высотные башни.

— Но вы знаете о последствиях? — спросил Шелдон.

— Конечно, — ответила она. — Мы уже всё решили.

— Вас не пугает, что вы не сможете вернуться?

Мужчина пожал плечами.

— Пугает. Но сидеть всю жизнь на одном месте тоже не хочется.

— Вы не боитесь, что за пределами ТОТ будет трудно?

— Конечно, будет трудно, — сказал мужчина. — Нам уже не двадцать лет. Но мы не собираемся искать там рай. Хотим пожить по-другому.

— А если пожалеете?

Мужчина посмотрел на него внимательно.

— Молодой человек, если всю жизнь принимать решения только после того, как убедишься, что не пожалеешь, можно вообще ничего не сделать.

Эти слова почему-то показались Шелдону важнее всех прочитанных им материалов.

— Удачи вам, — произнёс он.

— И вам, если соберётесь.

Шелдон отошёл к панорамному окну.

За ним начиналась территория, которую он никогда не видел своими глазами. Дорога уходила к внешним транспортным коридорам, а вдали виднелись несколько низких зданий.

Там находился другой мир.

Не обязательно хороший. Не обязательно свободный. Но другой.

Он снова открыл сообщение от Ильи.

«Вы были на встрече?»

Шелдон написал:

«Да».

«И что думаете?»

«Пока ничего».

«Это хороший ответ».

Шелдон немного помедлил, затем написал:

«Вы говорили, что знаете человека, который может помочь мне с выездом».

«Да».

«Кто он?»

«Его зовут Виктор. Бывший легионер. Он живёт на внешней территории и хорошо знает приграничные маршруты».

Шелдон нахмурился.

«Легионер?»

Ответ пришёл через несколько секунд.

«Да. Он служил в одной из армий за пределами ТОТ. Сейчас занимается перевозками и сопровождением».

Шелдон посмотрел на сообщение.

В его представлении бывший легионер был скорее персонажем исторического фильма, чем человеком, с которым можно было встретиться в ближайшие дни.

«Он надёжный?»

«Насколько вообще может быть надёжен человек, которого вы ещё не знаете».

Шелдон усмехнулся.

«Вы очень осторожны в формулировках».

«Потому что не хочу обещать вам того, чего не могу гарантировать».

«Когда я смогу с ним встретиться?»

«Если вы решите уехать, он сможет помочь с маршрутом».

Шелдон закрыл переписку.

Он ещё не принял решения. Но теперь у него появилось имя человека, который мог провести его через границу.

В тот вечер в Хофбурге шёл дождь.

Это было редкое явление для центрального района в такое время года. Вода стекала по стеклянным фасадам, отражая огни жилых башен. Городские системы уже скорректировали движение транспорта, а автоматические платформы регулировали работу водоотводов.

Шелдон стоял у окна и смотрел на улицу.

Он вспомнил разговор с пожилой парой. Они не собирались бороться с системой, не пытались доказать, что ТОТ — плохая страна. Они просто хотели увидеть море.

И им пришлось принять решение, после которого дорога домой будет закрыта.

Шелдон задумался о том, что подобная необратимость могла быть не только ограничением, но и своеобразным испытанием. Человек, который не мог вернуться, вынужден был учиться жить с собственным выбором.

Однако чем дольше он думал, тем сильнее его беспокоило другое.

Почему государство не оставляло возможности для исправления ошибки?

Он открыл архивные документы, посвящённые истории введения правила.

Первоначально запрет на возвращение появился не сразу. В первые годы существования ТОТ граждане могли покидать территорию и возвращаться после прохождения стандартных проверок.

Но затем ситуация изменилась.

В архиве имелись сведения о нескольких крупных инцидентах.

В одном случае бывший гражданин, вернувшийся после длительного проживания за пределами территории, оказался связан с иностранной разведывательной сетью. В другом через возвращавшегося человека была передана вредоносная программа, повредившая часть транспортной инфраструктуры. Ещё один случай касался масштабной информационной кампании, организованной при участии нескольких внешних организаций.

После этого система безопасности предложила полностью отказаться от процедуры возвращения.

Решение было принято Искусственным монархом и утверждено государственным аппаратом.

Шелдон открыл текст обоснования.

В нём содержалась фраза:

«Риск, связанный с допуском потенциально скомпрометированных лиц во внутреннюю среду, превышает общественную пользу от восстановления статуса отдельных граждан».

Он прочитал её дважды.

Получалось, что система действительно имела основания для такого решения.

Но он заметил ещё одну деталь.

Документ не содержал сведений о количестве людей, которые пытались вернуться. Не было данных о том, сколько из них представляли реальную угрозу, а сколько просто хотели домой.

Шелдон запросил дополнительные материалы.

Система ответила:

«Информация ограниченного доступа. Для ознакомления требуется специальное основание».

Он попробовал найти открытые публикации.

Их оказалось немного. Большинство ссылались на общие принципы безопасности и не приводили конкретных цифр.

Шелдон откинулся на кресло.

Он впервые столкнулся с тем, что в собственной стране не мог получить информацию, которая, казалось, имела непосредственное отношение к жизни обычных граждан.

Возможно, существовали разумные причины для ограничения доступа. Возможно, цифры действительно могли использовать иностранные структуры.

Но это не отменяло самого вопроса.

Сколько людей хотели вернуться?

И почему общество не знало их историй?

Поздно вечером Шелдон снова написал Илье.

«Я изучил историю запрета на возвращение».

«И что думаете?»

«Похоже, у государства были основания».

«Вероятно».

«Вы не собираетесь спорить?»

«А зачем? Я не утверждаю, что все решения ТОТ ошибочны».

«Тогда почему вы уехали?»

«Потому что не хотел больше жить так, как жил».

«И теперь вы свободны?»

Илья долго не отвечал.

«Нет. Но теперь я хотя бы знаю, кто именно ограничивает мою свободу».

Шелдон задумался.

«Это вы считаете преимуществом?»

«Да».

«Даже если этот человек может отнять у вас всё?»

«Особенно тогда».

Шелдон почувствовал, что разговор снова уходит в философию.

«Вы хотите сказать, что свобода заключается в возможности самому ошибаться?»

«Не только. Но без этой возможности человек становится частью чужого расчёта».

Шелдон посмотрел на окно.

Внизу проехала транспортная капсула. В ней сидели несколько пассажиров. Они разговаривали, смеялись, смотрели в свои панели. Каждый ехал туда, куда ему было нужно.

Никто не выглядел несчастным.

И всё же теперь Шелдон не мог отделаться от ощущения, что живёт внутри огромного механизма, который настолько хорошо заботится о людях, что постепенно перестаёт нуждаться в их согласии.

Он написал:

«Я хочу встретиться с Виктором».

Ответ появился почти мгновенно.

«Тогда я передам ему, что вы готовы к разговору».

«Илья, ещё один вопрос».

«Слушаю».

«Почему вы выбрали именно меня?»

На этот раз ответа не было несколько минут.

Потом пришло сообщение:

«Потому что вы сами начали задавать вопросы».

Шелдон прочитал его и закрыл переписку.

Он не заметил, что внизу экрана на мгновение появилось ещё одно уведомление, которое почти сразу исчезло.

Оно было отправлено с другого устройства и содержало всего одну строку:

«Контакт установлен. Объект заинтересован в добровольном выезде».

В Хофбурге наступала ночь.

Город продолжал работать. Системы безопасности анализировали потоки данных, медицинские комплексы контролировали состояние пациентов, транспортные узлы распределяли движение. Где-то в административном секторе искусственный интеллект обрабатывал тысячи решений, каждое из которых было направлено на поддержание стабильности.

В это же время за пределами ТОТ несколько человек обсуждали Шелдона.

На небольшом экране появилось его изображение, полученное из открытого профиля.

— Двадцать семь лет, — произнёс мужчина.

— Работа в аналитическом центре, — добавил другой. — Исторические и социальные процессы. Доступ к архивным материалам.

— Семья?

— Не женат. Близких родственников внутри ТОТ нет. Родители умерли несколько лет назад. Из близких — только дальние родственники, с которыми он почти не общается.

— Общественный рейтинг?

— Выше среднего. Никаких конфликтов с государственными структурами. Нарушений нет.

Первый мужчина внимательно изучил изображение.

— И что заставило его заинтересоваться выездом?

— Информационная кампания. Он открыл несколько материалов, затем вступил в контакт с Ильёй.

— Быстро.

— Да. Но он не производит впечатления человека, который готов действовать импульсивно.

— Такие и нужны.

— Вы уверены, что он сможет быть полезен?

Мужчина немного помолчал.

— Нам нужен не просто человек, который покинет ТОТ. Нам нужен человек, который понимает, как она устроена изнутри.

Он выключил изображение.

— Подготовьте встречу с Виктором. Пусть сначала посмотрит на него. Если Шелдон действительно решится на выезд, мы сможем использовать его возможности.

— А если передумает?

— Тогда найдём другого.

Мужчина поднялся и подошёл к окну.

За ним простиралась совершенно иная реальность: неупорядоченные улицы, тусклые фонари, несколько старых автомобилей и люди, которые возвращались домой после долгого рабочего дня.

— Знаете, что самое интересное в жителях ТОТ? — спросил он.

— Что?

— Они искренне верят, что свободны. И именно поэтому иногда так легко убеждаются в обратном.

Он улыбнулся.

— Главное — дать человеку правильный вопрос. Ответ он найдёт сам.

В Хофбурге Шелдон уже спал.

Ему снилось море, которого он никогда не видел.

А где-то далеко за пределами города люди готовились помочь ему пересечь границу.

Они не собирались рассказывать ему всю правду.

Пока.

Глава 4. Человек, который уже уехал

Виктор не любил ждать.

За свою жизнь он усвоил простое правило: если человек заставляет себя ждать, значит, либо считает себя важнее остальных, либо хочет показать, что контролирует ситуацию. И то и другое Виктор не уважал.

Впрочем, в последние годы ему приходилось иметь дело с такими людьми чаще, чем хотелось бы.

Он сидел в небольшом заведении на окраине транзитного поселения, расположенного неподалёку от внешней границы ТОТ. Заведение называлось «Последняя остановка». Название придумал владелец, который, судя по всему, обладал весьма своеобразным чувством юмора.

Впрочем, посетители не жаловались. Здесь подавали горячую еду, наливали крепкий напиток местного производства и не задавали вопросов, если клиент мог заплатить.

Помещение было старым. Стены покрывали трещины, потолок местами потемнел от копоти, а возле входа стояла печь, которая, казалось, пережила несколько войн и теперь держалась исключительно на упрямстве.

Виктору нравилось это место.

Здесь ничего не было автоматизировано. Заказы принимала женщина с усталым лицом, еду готовил повар, а посетители самостоятельно решали, когда им уходить. Никто не предлагал оптимизировать их время, не рассчитывал калорийность каждого блюда и не интересовался уровнем удовлетворённости обслуживанием.

Здесь всё было по-настоящему неудобно.

А значит, по-своему честно.

Виктор посмотрел на старые часы над стойкой. До встречи оставалось семь минут.

Он достал из кармана небольшой коммуникатор и открыл полученное сообщение.

«Объект: Шелдон. 27 лет. Аналитический центр Хофбурга. Контакт установлен через Илью. Заинтересован в добровольном выезде».

Виктор перечитал последнюю строку.

— Заинтересован, — пробормотал он. — Прекрасное слово. Оно ничего не обещает и ни к чему не обязывает.

— Вы опять разговариваете сами с собой?

За столом появилась хозяйка заведения.

— Иногда это единственный способ услышать разумный ответ.

— Тогда вам точно пора перестать пить наш самогон.

Виктор усмехнулся.

— Запишите на мой счёт.

— У вас и так уже половина заведения на вашем счёте.

— Значит, я поддерживаю местную экономику.

Женщина покачала головой и ушла.

Виктор снова посмотрел на часы.

Он не знал, каким окажется Шелдон. Молодые жители ТОТ редко представляли себе, что их ждёт за границей. Они росли в чистых городах, получали образование, медицинскую помощь, жильё и гарантированное питание. Большинство никогда не сталкивалось с настоящей нехваткой ресурсов.

Они могли рассуждать о свободе, читать исторические книги и спорить о государственном устройстве. Но одно дело — обсуждать голод в аналитическом центре, другое — искать кусок хлеба после двух суток без еды.

Виктор встречал таких людей.

Некоторые возвращались бы, если бы могли. Другие быстро приспосабливались. Третьи погибали, так и не поняв, что именно пошло не так.

Он не собирался жалеть Шелдона заранее.

Шелдон прибыл точно в назначенное время.

Транспортная капсула высадила его у небольшого перекрёстка. Дальше пришлось идти пешком.

Улицы были неухоженными, местами разбитыми, а возле домов лежали кучи строительного мусора. Несколько человек разгружали старый грузовик. Мужчина в грязной куртке курил возле входа в магазин.

Шелдон невольно сравнил это место с Хофбургом.

Разница была настолько очевидной, что казалась почти неприличной.

Он достал коммуникатор и ещё раз проверил адрес.

«Последняя остановка».

Название заведения обнаружилось на выцветшей вывеске.

Внутри было шумно. За несколькими столами сидели мужчины, двое играли в карты, у стойки спорили о цене на топливо. Пахло жареным мясом, табаком и чем-то кислым.

Шелдон остановился у входа.

Он чувствовал себя чужим.

— Ты Шелдон? — раздался голос справа.

За дальним столом сидел мужчина лет сорока пяти. Широкие плечи, короткие волосы, тяжёлый взгляд. На лице несколько старых шрамов. Правая рука лежала на столе, левая находилась под курткой.

— Да.

— Садись.

Шелдон подошёл.

— Виктор?

— Если ты пришёл за другим человеком, то ошибся дверью.

Шелдон сел напротив.

— Илья говорил, что вы сможете помочь мне с выездом.

— Илья много чего говорит.

— Вы знакомы?

— Достаточно.

Виктор внимательно посмотрел на него.

— Значит, ты из Хофбурга.

— Да.

— Работаешь в аналитическом центре?

Шелдон немного удивился.

— Откуда вы знаете?

— Мне сказали.

— Кто?

— Ты всегда задаёшь столько вопросов?

— Обычно мне отвечают.

Виктор усмехнулся.

— Тогда тебе здесь будет тяжело.

Он поднял руку, подозвал хозяйку и заказал две порции еды.

— Я не голоден, — сказал Шелдон.

— Это пока.

— Я могу сам оплатить.

— Не сомневаюсь. Ты вообще много чего можешь сам. Вопрос в том, насколько хорошо у тебя это получится.

Шелдон почувствовал раздражение.

— Давайте сразу договоримся. Я пришёл не для того, чтобы вы меня воспитывали.

— Хорошо. Тогда поговорим как взрослые люди. Ты хочешь покинуть ТОТ?

— Да.

— Почему?

— Хочу увидеть, как живут люди за её пределами.

— Посмотреть туристические достопримечательности?

— В том числе.

— А ещё?

Шелдон задумался.

— Хочу понять, действительно ли я свободен.

Виктор некоторое время молчал.

Затем рассмеялся. Не громко, но так, что несколько человек за соседним столом обернулись.

— Что смешного? — спросил Шелдон.

— Ничего. Просто каждый второй, кто приезжает сюда из ТОТ, говорит примерно одно и то же.

— И что?

— А потом через неделю спрашивает, где можно купить нормальную воду.

Шелдон нахмурился.

— Вы хотите сказать, что за пределами ТОТ всё настолько плохо?

— Нет. Я хочу сказать, что ты пока не понимаешь, что такое плохо.

Хозяйка принесла еду. Виктор подвинул одну тарелку к Шелдону.

— Ешь.

— Спасибо, но...

— Ешь. Потом поговорим.

Шелдон посмотрел на блюдо. Это было мясо с какой-то крупой и овощами. Выглядело не слишком аппетитно, но пахло вполне приятно.

Он взял вилку.

— Здесь всегда так шумно? — спросил он.

— Нет. Иногда ещё хуже.

Виктор отрезал кусок мяса.

— Слушай, парень. Я не собираюсь рассказывать тебе, что за пределами ТОТ рай. Здесь нет гарантированного жилья, бесплатной медицины и общественного питания. Здесь люди работают за деньги, иногда за еду, иногда за обещания. Здесь можно потерять всё за один день.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь. Ты можешь прочитать тысячу книг о голоде, но это не сделает тебя голодным. Можешь изучить историю войн, но это не научит тебя прятаться от пули. И можешь сколько угодно рассуждать о свободе, но пока тебе есть где спать и что есть, ты не знаешь её цену.

— А вы знаете?

Виктор посмотрел на него.

— Я знаю цену многим вещам. Свобода среди них не самая дешёвая.

После ужина они вышли на улицу.

Дождь закончился, но воздух оставался влажным. На противоположной стороне дороги стоял старый автомобиль. Его двигатель работал неровно, время от времени из выхлопной трубы вырывалось облако дыма.

Шелдон остановился.

— Это ещё используется?

Виктор посмотрел на машину.

— Нет, стоит для красоты. Мы здесь любим собирать старый металл и любоваться им.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Машина ездит, пока хозяин может её ремонтировать.

— Но она не соответствует экологическим стандартам.

— Зато соответствует одному важному стандарту.

— Какому?

— Её можно починить без разрешения государственного алгоритма.

Виктор достал сигарету.

Шелдон заметил это с удивлением.

— Вы курите?

— Иногда.

— Это вредно.

— Спасибо, доктор.

— Я просто говорю.

— А я просто курю.

Виктор закурил и посмотрел на него.

— Ты когда-нибудь видел, как человек умирает от того, что ему нечего есть?

Шелдон не ответил.

— А я видел. И не один раз. Видел, как люди дерутся за воду. Как родители продают последние вещи, чтобы купить лекарство ребёнку. Как человек отдаёт всё, что у него есть, за возможность переночевать в сухом помещении.

— Это происходит здесь?

— В разных местах. В одних хуже, в других лучше. Мир большой, парень. Не стоит думать, что за пределами твоего города все живут одинаково.

— Но вы ведь сами уехали из ТОТ.

— Да.

— Почему?

Виктор затянулся.

— По глупости.

Шелдон не ожидал такого ответа.

— Серьёзно?

— Более чем.

— Вы пожалели?

— Каждый год. Иногда каждый месяц.

— Тогда почему не пытаетесь найти способ вернуться?

Виктор посмотрел на него с неожиданной серьёзностью.

— Потому что я не верю в сказки.

— Какие именно?

— В те, где человеку достаточно признать ошибку, чтобы всё исправить.

Он выбросил окурок в лужу.

— Я уехал добровольно. Знал, что возвращения не будет. Думал, что справлюсь. Был молодым, злым и слишком уверенным в себе. Мне казалось, что весь мир устроен неправильно, а я один знаю, как надо.

— И что изменилось?

— Я познакомился с миром.

Они некоторое время шли молча.

— Вы служили в армии? — спросил Шелдон.

— Да.

— Где?

— В Риме.

Шелдон остановился.

— В Римской империи?

— А ты думал, что я служил в древнем Риме?

— Я просто...

— Да, в Риме. В легионе. Был младшим командиром, потом дослужился до старшего сержанта. Участвовал в нескольких операциях на восточных территориях.

— Вы были легионером?

— Был.

Шелдон вспомнил исторические изображения римских солдат, бронзовые шлемы, щиты, знамёна и марширующие колонны. Ему было трудно совместить этот образ с мужчиной, который стоял рядом и курил дешёвую сигарету.

— Почему вы ушли из армии?

— Потому что понял, что служу не государству, а человеку, который считает себя государством.

— Августу Северу?

Виктор усмехнулся.

— Быстро учишься.

— Я читал о нём.

— Тогда ты знаешь, какой он великий человек.

Виктор произнёс последние слова с такой интонацией, что Шелдон не сразу понял, шутит ли он.

— Он популярен?

— Очень.

— Несмотря на диктатуру?

— Особенно благодаря ей.

— Но ведь в Риме есть сословия, ограничения, репрессии...

— Есть.

— И люди это принимают?

— Многие. Некоторые искренне любят императора. Другие боятся его. Третьи просто хотят спокойно жить и не интересуются политикой. Есть и те, кто ненавидит его, но предпочитает молчать.

— Почему?

— Потому что ненависть не оплачивает лечение ребёнка.

Шелдон задумался.

— Вы его ненавидите?

Виктор не ответил сразу.

— Я ненавижу людей, которые заставляют других умирать за их амбиции. А императоры обычно этим занимаются.

Они подошли к небольшому дому, расположенному в стороне от основной улицы.

Виктор открыл дверь, пропустил Шелдона внутрь и включил свет.

Комната была скромной: стол, два стула, шкаф, старая кровать и несколько ящиков у стены. На столе лежали бумаги, карта внешних территорий и разобранный коммуникатор.

— Здесь вы живёте? — спросил Шелдон.

— Иногда.

— А где обычно?

— Там, где есть работа.

Виктор снял куртку и бросил её на стул.

— Садись.

Шелдон сел.

Виктор достал из ящика карту и развернул её на столе.

— Вот твоя территория. ТОТ. Вот внешняя транзитная зона. Дальше начинаются территории, которые формально относятся к нескольким государствам, но фактически контролируются местными администрациями, военными группами и торговыми союзами.

Он провёл пальцем по карте.

— Если ты решишь уехать, тебе придётся пройти через несколько контрольных зон. На бумаге всё просто. На практике — нет.

— Почему?

— Потому что у каждой территории свои правила. Где-то требуют документы, где-то деньги, где-то товар. В некоторых местах достаточно знать нужного человека. В других даже это не поможет.

— А Рим?

— Рим далеко. И туда ты пока не поедешь.

— Почему?

— Потому что сначала тебе нужно научиться выживать там, где нет привычной инфраструктуры.

Шелдон посмотрел на карту.

— Вы сможете провести меня?

— Смогу.

— Сколько это будет стоить?

Виктор поднял глаза.

— Уже торгуешься?

— Я хочу знать условия.

— Разумно. За сопровождение и транспортировку — определённая сумма. Часть расходов покрывается заранее. Остальное зависит от маршрута.

— У меня нет обычных денег.

— Знаю.

— В ТОТ используются общественные баллы.

— Ими здесь не расплатишься.

— Тогда как...

— Илья сказал, что вопрос оплаты решён.

Шелдон нахмурился.

— Кем?

— Не знаю.

— Как это не знаете?

— Мне сообщили, что расходы будут покрыты. Я не задаю лишних вопросов, когда мне платят за работу.

— Вы даже не знаете, кто финансирует мой выезд?

— А должен?

Шелдон почувствовал, что разговор становится неприятным.

— Я не хочу быть частью какой-то операции.

Виктор посмотрел на него.

— Тогда тебе лучше остаться дома.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Ты пришёл ко мне через человека, которого не знаешь. Получил координаты от неизвестного собеседника. Теперь сидишь в доме бывшего легионера, который согласился провести тебя через границу. И только сейчас решил поинтересоваться, кто за всё это платит?

Шелдон замолчал.

Виктор усмехнулся.

— Не обижайся. Просто в твоём городе, похоже, слишком хорошо научились принимать решения за людей. А вот проверять собственные решения ты пока не умеешь.

— Вы могли бы просто ответить.

— Мог бы. Но не знаю.

Он сложил карту.

— Послушай. Я не твой друг и не твой враг. Мне платят за сопровождение. Я выполню работу. Если ты решишь передумать, никто не станет тебя удерживать.

— А если я решу уехать?

— Тогда ты должен понимать, что обратно дороги нет.

Шелдон посмотрел на него.

— Вы ведь сами уехали.

— Именно поэтому я и говорю тебе это.

На следующий день Шелдон вернулся в Хофбург.

Он почти не разговаривал по дороге. Слова Виктора постоянно возвращались в его мысли.

«Ты пока не умеешь проверять собственные решения».

Эта фраза раздражала его. Возможно, потому что была справедливой.

Он открыл архивы и начал изучать историю Рима. Его интересовало всё: армия, экономика, устройство власти, отношения между сословиями, система общественного контроля.

Особенно его заинтересовал Август Север.

Император пришёл к власти после нескольких лет политического кризиса. Он обещал восстановить порядок, вернуть стране достоинство и прекратить хаос, который разрушал прежние правительства. Его выступления были эмоциональными, но хорошо подготовленными. Он умел говорить с народом так, будто каждый гражданин был его личным собеседником.

В первые годы правления Север действительно провёл ряд реформ. Восстановил дороги, укрепил границы, наладил снабжение крупных городов, создал новые рабочие места в военной промышленности. Экономика постепенно стабилизировалась.

Затем появились сословные ограничения.

Потом — обязательная служба.

Затем — система общественного контроля.

В конце концов Рим стал государством, в котором положение человека определялось его происхождением, службой и лояльностью императору.

Шелдон открыл одну из речей Севера.

«Свобода не может существовать без порядка. Человек, который не способен защитить свой дом, не свободен. Народ, который не способен защитить свою землю, не имеет будущего. Я не отнимаю у вас свободу. Я возвращаю вам право жить в сильном государстве».

Шелдон перечитал речь.

Она была убедительной.

Даже слишком убедительной.

Он вдруг понял, что Август Север использовал те же аргументы, которые слышал от представителей ТОТ.

Безопасность, стабильность, ответственность, защита общества.

Разница заключалась лишь в том, кто принимал окончательное решение.

В Хофбурге — искусственный интеллект.

В Риме — человек, называвший себя императором.

Но и там, и там существовали ограничения, которые объяснялись необходимостью общего благополучия.

Шелдон закрыл архив.

Он не хотел делать поспешных выводов. Возможно, Виктор был прав. Возможно, внешний мир действительно был сложнее, чем представлялось по пропагандистским материалам.

Но теперь у него появилось желание увидеть его собственными глазами.

Вечером Шелдон получил сообщение от Ильи.

«Как прошла встреча?»

Он ответил:

«Виктор согласился помочь».

«Хорошо».

«Но я не понимаю, кто оплачивает мой выезд».

«Это не должно вас беспокоить».

Шелдон нахмурился.

«Почему?»

«Потому что помощь предоставляется добровольно».

«Бесплатно?»

«Вам не придётся платить».

«Ничего не бывает бесплатно».

Илья прислал короткое сообщение:

«Вы правы. Но не всякая помощь требует немедленной оплаты».

Шелдон хотел продолжить разговор, но на экране появилось ещё одно сообщение.

«Виктор передал, что вы задавали вопросы о Риме».

«Да».

«Вы интересуетесь империей?»

«Хочу понять, как там живут люди».

«Тогда у вас будет такая возможность».

«Вы там были?»

«Нет. Но знаю людей, которые живут там».

«И что они говорят?»

«Разное. Как и везде».

Шелдон усмехнулся.

«Вы очень мало рассказываете».

«Потому что вы ещё не готовы услышать многое».

Шелдон перечитал сообщение.

«А когда буду готов?»

Ответ пришёл не сразу.

«Когда перестанете искать идеальный мир».

Он закрыл переписку.

Поздно ночью Шелдон вышел на балкон.

Дождь прекратился. Над городом сияли огни, а вдалеке виднелись башни центрального административного района.

Он смотрел на Хофбург и пытался понять, что именно его не устраивало.

Здесь не было голода. Не было бездомных. Люди не умирали из-за отсутствия медицинской помощи. Никто не был обязан служить государству, чтобы получить право на существование. Образование было доступно каждому, а человек мог выбрать практически любую профессию.

Да, система ограничивала возвращение после выезда. Да, некоторые решения принимались без прямого участия граждан. Да, общественные баллы создавали собственную иерархию.

Но разве этого было достаточно, чтобы назвать ТОТ несвободной?

Шелдон не знал.

Он вдруг понял, что ему хочется уехать не потому, что он ненавидит свою страну. Он хотел проверить, существует ли жизнь за пределами привычного порядка.

Хотел увидеть людей, которые не живут по правилам искусственного интеллекта.

Хотел понять, что происходит, когда человек остаётся один на один со своими решениями.

Возможно, он ошибался.

Возможно, возвращаться действительно не стоило.

Но если он не попробует, то никогда не узнает.

Шелдон открыл интерфейс добровольного выезда.

На экране появилась знакомая формулировка:

«Вы подтверждаете, что добровольно прекращаете гражданский статус и осознаёте невозможность возвращения на территорию ТОТ».

Ниже располагались две кнопки.

«Продолжить».

«Отменить».

Шелдон долго смотрел на них.

Затем закрыл окно.

Не сегодня.

Ему нужно было ещё немного времени.

И всё же решение уже перестало быть абстрактным.

Теперь оно имело имя — Виктор.

Имело координаты — внешняя граница.

И имело цену, которую Шелдон пока не мог оценить.

Глава 5. Цена свободы

Шелдон проснулся раньше обычного.

За окном ещё не рассвело, хотя город уже начал постепенно оживать. На фасадах соседних зданий загорались первые световые панели, транспортные линии переходили в утренний режим, а система климатического контроля незаметно меняла температуру в квартире.

Всё происходило так, как происходило каждое утро на протяжении последних семи лет.

И именно сегодня привычный порядок казался ему странным.

Он лежал неподвижно и смотрел в потолок. Ему предстоял важный разговор, но не с Виктором, не с Ильёй и даже не с представителями государства. Сначала ему нужно было поговорить с человеком, который, возможно, понимал его лучше остальных.

С самим собой.

Шелдон поднялся, прошёл на кухню и приготовил кофе. Обычно он пил его, одновременно просматривая утреннюю сводку новостей. Сегодня он оставил информационную панель выключенной.

За панорамным окном медленно светлел Хофбург.

Город не пытался произвести впечатление. Он просто был красивым. Чистые улицы, ухоженные парки, здания без следов времени и запустения. Здесь почти невозможно было увидеть человека, который не знал бы, где проведёт сегодняшний день, чем займётся завтра и что произойдёт с ним через месяц.

Всё было предусмотрено.

Шелдон сделал глоток кофе.

— Доброе утро, — произнёс персональный помощник.

— Доброе.

— Сегодня у вас запланирована работа с девяти до шестнадцати часов. В одиннадцать — обсуждение аналитического отчёта. В тринадцать — встреча с руководителем отдела.

— Отмени расписание.

— Вы хотите перенести рабочие мероприятия или оформить выходной?

— Выходной.

— Причина?

— Личные обстоятельства.

— Хорошо. Ваше отсутствие будет учтено.

Шелдон подошёл к окну.

— Скажи, ты можешь определить, счастлив ли я?

— По совокупности доступных показателей ваше эмоциональное состояние соответствует умеренно положительному уровню.

— Я спросил не об этом.

— Объективно измерить счастье невозможно. Я могу оценить удовлетворённость отдельными аспектами жизни, физиологическое состояние, социальные связи и субъективные ответы на вопросы.

— Значит, ты не знаешь.

— Я могу помочь вам разобраться.

— А если я не хочу, чтобы мне помогали?

— Это ваше право.

Шелдон улыбнулся.

— Ты всегда так отвечаешь?

— Когда это соответствует контексту.

Он сел за стол.

На панели появилось уведомление о предстоящем обновлении системы общественного распределения баллов. Несколько миллионов граждан должны были получить новые показатели за прошедший квартал. В отдельной строке сообщалось, что благодаря обновлению доступность дополнительных образовательных программ увеличится на 3,2 процента.

Шелдон прочитал сообщение и отложил панель.

Ещё несколько дней назад подобная новость показалась бы ему важной. Он, вероятно, изучил бы показатели, сравнил результаты с предыдущим кварталом, обратил внимание на распределение ресурсов и сделал несколько заметок для работы.

Теперь он думал о другом.

За пределами Хофбурга люди, вероятно, просыпались с совершенно иными вопросами. Сколько они заработают сегодня? Где купят продукты? Удастся ли оплатить жильё? Что произойдёт, если заболеет ребёнок или закончится работа?

Он вспомнил слова Виктора о голоде, нехватке воды и постоянной необходимости бороться за самое необходимое.

И впервые за всё время почувствовал не только любопытство, но и страх.

В полдень он встретился с Натаном.

Тот сидел в общественном кафе и просматривал новости. На экране перед ним была статья о развитии новой системы медицинской диагностики.

— Ты сегодня не работаешь? — спросил Натан, заметив Шелдона.

— Взял выходной.

— Надо же. Наконец-то решил отдохнуть от спасения человечества.

— Примерно так.

Шелдон заказал напиток и сел напротив.

Несколько секунд они молчали. Натан продолжал смотреть на экран, но уже не читал. Он явно ждал объяснений.

— Натан, я хочу с тобой поговорить.

— Звучит тревожно.

— Я думаю уехать.

Натан не сразу понял смысл сказанного.

— Куда?

— За пределы ТОТ.

Он медленно опустил панель.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Из-за чего?

— Хочу посмотреть мир.

— Ты уже посмотрел?

— Пока нет.

— Тогда, может быть, сначала посмотришь его через архивы, фотографии и открытые материалы?

— Я хочу увидеть всё сам.

Натан некоторое время молчал.

— Это из-за того человека?

— Отчасти.

— Как его зовут?

— Илья. Он бывший гражданин ТОТ.

— Ты вообще понимаешь, с кем общаешься?

— Не до конца.

— Прекрасно. Значит, незнакомый человек за границей убедил тебя в том, что здесь ты несвободен, и теперь ты собираешься уехать навсегда.

— Он меня ни в чём не убеждал.

— Тогда зачем ты это делаешь?

Шелдон посмотрел на друга.

— Потому что хочу сам разобраться.

— Ты можешь разобраться, не уезжая.

— Не во всём.

— Шелдон, ты знаешь, что происходит за границей. Ты изучал историю, социальные системы, политические режимы. Ты прекрасно понимаешь, что там нет единого мира свободных людей.

— Понимаю.

— Тогда что ты ищешь?

Шелдон задумался.

— Возможно, жизнь, в которой я буду сам отвечать за последствия своих решений.

Натан усмехнулся, но в его улыбке не было прежней лёгкости.

— Ты уже отвечаешь за свои решения.

— Пока последствия большинства из них можно исправить.

— И это плохо?

— Не знаю.

Натан внимательно посмотрел на него.

— Ты действительно считаешь, что жизнь должна быть сложной, чтобы быть настоящей?

— Нет. Но мне кажется, что слишком простая жизнь постепенно лишает человека способности выбирать.

— А ты не думал, что это просто скука? Что тебе надоело жить комфортно и ты придумал себе философскую проблему?

Шелдон не ответил.

Возможно, Натан попал в точку.

Возможно, за разговорами о свободе скрывалось обычное человеческое желание перемен. Желание вырваться из привычной жизни, почувствовать опасность, испытать себя. Он мог назвать это поиском истины, но от этого мотивы не становились благороднее.

— Знаешь, — продолжил Натан, — я не собираюсь тебя удерживать. Но хочу, чтобы ты хотя бы понял одну вещь. Ты можешь уехать, потому что у тебя есть такая возможность. Но люди, которые живут за пределами ТОТ, далеко не всегда могут позволить себе даже мечтать о такой свободе.

— Я знаю.

— Нет, Шелдон. Ты читаешь об этом. Это не одно и то же.

Он помолчал.

— Если уедешь, я буду скучать.

Шелдон улыбнулся.

— Это самое убедительное, что ты сегодня сказал.

— Я вообще редко говорю глупости.

— Ты говоришь их постоянно.

Они рассмеялись.

На несколько секунд всё стало как прежде. Два коллеги, которые встретились во время обеденного перерыва, спорили о какой-то ерунде и не собирались менять свою жизнь.

Но прежнее ощущение быстро исчезло.

Натан не пытался переубедить его, а Шелдон не стал рассказывать о назначенной встрече с Виктором. Некоторые вещи он пока предпочитал держать при себе.

Они попрощались, и каждый отправился по своим делам.

Шелдон ещё долго вспоминал слова друга.

Дома его ожидало новое сообщение.

Оно пришло от Ильи.

«Виктор сообщил, что вы рассматриваете возможность выезда. Если решение окончательное, нужно определиться со сроками».

Шелдон написал:

«Сколько времени потребуется?»

«Оформление документов может занять от нескольких часов до нескольких дней. Сам маршрут зависит от внешних условий».

«Я хочу уехать в ближайшее время».

«Тогда Виктор подготовит всё необходимое».

Шелдон некоторое время смотрел на экран, прежде чем задать следующий вопрос.

«Мне нужно знать, кто оплачивает расходы».

Илья ответил:

«Мы уже обсуждали этот вопрос».

«Нет. Вы уклоняетесь от ответа».

Пауза затянулась.

Затем появилось сообщение:

«Есть несколько людей, заинтересованных в том, чтобы бывшие граждане ТОТ могли безопасно покидать территорию. Они помогают с организацией выезда и первичным размещением».

«Почему?»

«Потому что считают, что каждый человек должен иметь право самостоятельно выбирать место жительства».

Шелдон перечитал сообщение.

«И что им от меня нужно?»

«Пока ничего».

«Вы уверены?»

«Да».

Он отложил терминал.

В мире, в котором он жил, помощь редко была бескорыстной. Даже социальные программы ТОТ имели вполне определённую цель: общественная польза, устойчивость системы, повышение эффективности распределения ресурсов.

За пределами территории всё, вероятно, было устроено иначе, но не обязательно проще.

Шелдон понимал, что неизвестные люди не стали бы оплачивать чужие путешествия исключительно из любви к свободе. Возможно, они поддерживали добровольный выезд. Возможно, хотели продемонстрировать, что границы ТОТ не являются непреодолимыми. А может быть, преследовали собственные политические или экономические интересы.

Он не знал.

И это его беспокоило.

«Хорошо. Я готов», — написал он.

Ответ пришёл почти сразу:

«Тогда завтра в 10:00 Виктор встретит вас в транзитном секторе. До этого времени вам необходимо принять окончательное решение».

Шелдон закрыл переписку.

Завтра.

Всего одно слово, но теперь оно звучало иначе.

Вечером он впервые за долгое время решил пройтись по городу без определённой цели.

Он вышел из дома и направился к центральному парку.

Хофбург выглядел особенно красивым после дождя. Световые панели отражались в мокром покрытии дорожек, деревья были подсвечены мягким светом, а на открытой площади играла небольшая группа музыкантов.

Люди гуляли, разговаривали, занимались спортом. Несколько детей бегали возле фонтана, а родители наблюдали за ними с ближайших скамеек.

Шелдон остановился возле старого памятника.

На нём была надпись:

«Человеку, который научился создавать машины, но не должен забывать, зачем он это сделал».

Памятник установили в первые годы существования ТОТ. Он изображал мужчину, держащего в одной руке небольшой металлический механизм, а в другой — раскрытую ладонь.

Шелдон смотрел на него несколько минут.

Когда-то люди действительно боялись машин. Они думали, что технологии уничтожат их профессии, лишат заработка, сделают ненужными. Потом машины взяли на себя большую часть труда, и человечество постепенно привыкло к новой реальности.

Но страх не исчез.

Он просто изменил форму.

Теперь люди боялись не того, что машины отнимут у них работу, а того, что однажды они перестанут понимать, зачем вообще нужны.

Шелдон пошёл дальше.

У небольшого павильона стоял пожилой мужчина, продававший старые книги. Это была не автоматизированная торговая точка, а частная коллекция, которую владелец выставлял для обмена. Такие места встречались редко, но не запрещались.

Шелдон остановился.

— Что продаёте?

— Книги.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваете?

Шелдон улыбнулся.

— Хороший вопрос.

Мужчина рассмеялся.

— Молодёжь теперь редко интересуется бумажными книгами.

— А вы почему ими торгуете?

— Потому что люблю.

— И много зарабатываете?

— Достаточно, чтобы не умереть с голоду. Но я не ради этого здесь стою.

Он протянул Шелдону небольшую книгу в старой обложке.

Это было собрание философских эссе начала XXI века.

— Возьмите.

— Сколько стоит?

— Для вас бесплатно.

— Почему?

— Вы выглядите так, будто вам сейчас нужнее книга, чем мне баллы.

Шелдон рассмеялся.

Он взял книгу и поблагодарил мужчину.

На обложке была выбита фраза:

«Человек становится свободным не тогда, когда получает всё, что хочет, а тогда, когда перестаёт бояться выбирать».

Шелдон положил книгу в сумку.

Возможно, он действительно искал не свободу, а оправдание своему желанию уехать.

Но теперь он уже не хотел отказываться от этого желания.

Утром следующего дня он открыл процедуру добровольного выезда.

Система запросила подтверждение личности.

Шелдон приложил идентификатор.

На экране появились его данные, сведения о гражданском статусе и перечень прав, которые прекращались после пересечения границы.

Он внимательно прочитал каждую строку.

Прекращение доступа к внутренним социальным программам.

Аннулирование общественных баллов.

Утрата права на возвращение.

Прекращение участия в государственных образовательных и профессиональных программах.

Отсутствие гарантий медицинского обслуживания и базового обеспечения за пределами ТОТ.

Ниже находилось предупреждение:

«Вы подтверждаете, что решение принимается добровольно, без принуждения со стороны третьих лиц».

Шелдон задержал взгляд на последней строке.

Он вспомнил Илью. Виктора. Неизвестных людей, которые оплачивали его выезд.

Разве это не было влиянием третьих лиц?

Он открыл дополнительный раздел.

Там объяснялось, что добровольная помощь, консультации и сопровождение не считаются принуждением, если гражданин самостоятельно принимает окончательное решение.

Шелдон перечитал формулировку.

Получалось, что государство не запрещало ему общаться с внешними людьми, получать от них помощь или следовать их рекомендациям. Но при этом оно не несло ответственности за последствия таких контактов.

Он глубоко вдохнул.

На экране появилась кнопка:

«Подтвердить добровольный выезд».

Шелдон нажал.

Система попросила повторное подтверждение.

«После завершения процедуры восстановление гражданского статуса невозможно. Вы уверены?»

Он закрыл глаза.

Вспомнил Натана. Деда. Книгу из парка. Вид из окна своей квартиры.

Вспомнил Илью, который говорил о свободе.

Вспомнил Виктора, который предупреждал о голоде.

Затем нажал ещё раз.

Заявление принято.

На экране появилась новая информация:

«Ваше заявление зарегистрировано. Для завершения процедуры необходимо пройти заключительную консультацию и подтвердить решение при пересечении внешней границы».

Шелдон откинулся на спинку кресла.

Он сделал первый шаг.

И впервые за всё время почувствовал, что действительно может потерять что-то важное.

После регистрации заявления Шелдон долго сидел неподвижно.

Он ожидал какого-то особенного ощущения. Возможно, облегчения. Возможно, страха. Может быть, даже радости от того, что наконец решился на поступок, о котором думал последние несколько недель.

Но ничего подобного не произошло.

Просто изменился статус заявления.

Обычная строка в государственной системе. Несколько символов, дата, время и номер обращения.

Для окружающего мира ничего не изменилось. Хофбург продолжал жить своей жизнью, транспорт двигался по расписанию, люди занимались привычными делами.

Только для одного человека это утро стало началом конца прежней жизни.

— Поздравляю, — произнёс помощник.

Шелдон повернулся к панели.

— С чем?

— Ваше заявление о добровольном выезде принято к рассмотрению.

— Ты считаешь это поводом для поздравлений?

— Я не обладаю субъективным отношением к вашим решениям. Вы выразили намерение совершить действие, которое ранее неоднократно обсуждали. Я констатирую факт.

— Иногда мне кажется, что ты умеешь испортить даже самые важные моменты.

— Могу предложить подборку музыки для эмоциональной разгрузки.

— Не надо.

— Хорошо.

Шелдон поднялся и направился к шкафу.

Ему предстояло собрать вещи.

Он открыл список личного имущества. Система предложила оптимальный перечень предметов для длительного путешествия: одежда, средства гигиены, документы, медицинский набор, персональные устройства, резервные источники питания.

Шелдон просмотрел список и начал складывать вещи.

Потом остановился.

Ему вдруг стало ясно, что он собирается взять с собой в другой мир всё необходимое для комфортной жизни, которую как раз собирался оставить.

Он убрал из списка несколько устройств, отказался от части одежды и положил в сумку старую бумажную книгу, полученную накануне в парке.

На полке стояла небольшая фотография деда.

Шелдон взял её в руки.

На снимке дед был значительно моложе. Он стоял возле старого автомобиля, одной рукой опираясь на капот, а другой держал бумажный стаканчик. На заднем плане виднелись невысокие дома, провода, рекламные вывески и припаркованные машины.

Мир, который Шелдон знал только по рассказам.

Он вспомнил один разговор, состоявшийся много лет назад.

Тогда дед рассказывал о том, как однажды уехал из родного города в другой регион, почти не имея денег. Он устроился на временную работу, снимал комнату у незнакомой семьи, несколько раз оставался без заработка и однажды едва не оказался на улице.

— И ты не боялся? — спросил тогда Шелдон.

Дед рассмеялся.

— Конечно, боялся. Просто тогда я был молодым и глупым.

— А сейчас?

— Сейчас я старый и умный. Поэтому больше никуда не езжу.

Они оба засмеялись.

Но потом дед неожиданно добавил:

— Знаешь, что самое интересное? Мы тогда считали себя свободными. Хотя денег почти не было, работы нормальной не было, а будущее никто не мог предсказать. Но мы сами решали, куда идти. Иногда ошибались так, что потом всю жизнь вспоминали. И всё равно нам казалось, что мы живём.

Шелдон положил фотографию в сумку.

Возможно, именно эти рассказы и стали причиной его нынешнего решения.

Он не хотел провести всю жизнь, изучая чужую свободу по архивам.

В 16:40 поступило уведомление о заключительной консультации.

Шелдон подключился к видеосвязи.

На экране появилась другая сотрудница, значительно моложе Елены. Её звали Марта.

— Добрый день, Шелдон. Я буду сопровождать вас на заключительном этапе процедуры добровольного выезда.

— Добрый день.

— Ваше заявление принято. Согласно установленному порядку, необходимо ещё раз подтвердить, что вы понимаете последствия решения. Прежде всего хочу уточнить: никто не оказывает на вас давление?

— Нет.

— Вы получали предложения о финансовой помощи от лиц, находящихся за пределами ТОТ?

Шелдон замолчал.

Вопрос оказался неожиданным.

— Мне предложили помощь с организацией выезда.

— Кто именно?

— Люди, с которыми я познакомился через информационный канал.

— Вы знаете их личности?

— Не всех.

Марта сделала небольшую паузу.

— Вам предлагали денежное вознаграждение за предоставление сведений о деятельности ТОТ?

— Нет.

— Просили передать государственные документы, служебные материалы или доступ к внутренним системам?

— Нет.

— Просили установить программное обеспечение или передать персональные данные третьим лицам?

— Нет.

— Хорошо.

Шелдон посмотрел на неё.

— Вы считаете, что меня могут использовать?

— Я не могу делать выводы без достаточных оснований. Но вы должны понимать, что за пределами ТОТ действуют организации, которые заинтересованы в получении информации о внутреннем устройстве нашей территории.

— Я работаю с историческими и социальными архивами. У меня нет доступа к секретным государственным системам.

— Это не исключает возможности получения информации, которая сама по себе может представлять интерес.

— Например?

— Обычные граждане часто недооценивают ценность сведений, которыми располагают. Информация о работе отдельных подразделений, общественных настроениях, образовательных программах, социальных механизмах может использоваться для формирования внешних информационных кампаний.

Шелдон вспомнил переписку с Ильёй.

— А если человек просто хочет уехать?

— Тогда он вправе это сделать.

— Даже если ему помогают?

— Да. Но мы рекомендуем внимательно относиться к предложениям незнакомых людей.

Марта говорила спокойно, без угроз и попыток напугать его.

— Шелдон, я хочу задать ещё один вопрос. Вы понимаете, что после пересечения границы вы не сможете вернуться?

— Да.

— Даже в случае тяжёлой болезни?

— Да.

— Даже если ваши близкие останутся на территории ТОТ?

— Да.

— Даже если вы не сможете обеспечить себе жильё и питание?

Шелдон помолчал.

— Да.

Марта посмотрела прямо в камеру.

— Тогда я обязана сообщить вам, что государство не будет препятствовать вашему выезду. Решение принадлежит вам. Мы можем предложить вам дополнительное время для размышлений, но не вправе требовать, чтобы вы отказались от своего намерения.

— Спасибо.

— У вас есть вопросы?

— Один.

— Слушаю.

— Если я передумаю уже после пересечения границы, вы действительно не сможете меня вернуть?

Марта на несколько секунд замолчала.

— Не сможем.

— Даже если я буду просить?

— Да.

— Понятно.

Связь завершилась.

Шелдон сидел перед погасшим экраном.

Ему казалось, что система должна была сделать что-то ещё. Остановить его, потребовать дополнительных объяснений, предложить какой-нибудь альтернативный вариант.

Но она просто позволила ему принять решение.

И в этом было нечто одновременно обнадёживающее и пугающее.

Вечером Шелдон позвонил Натану.

Тот ответил не сразу.

— Ну что, философ, решил судьбу человечества?

— Почти.

— Уже страшно.

— Я подал заявление.

На другом конце воцарилась тишина.

— То есть ты действительно уезжаешь?

— Да.

— Когда?

— Завтра.

Натан тяжело вздохнул.

— Быстро.

— Я не хочу больше откладывать.

— И что теперь?

— Пройду границу. Дальше Виктор поможет мне добраться до места, где можно будет устроиться.

— Ты хоть знаешь, куда едешь?

— Пока нет окончательного маршрута.

— Прекрасно. Ты отправляешься в неизвестность с человеком, которого видел два раза, по рекомендации неизвестного человека, с которым познакомился в интернете.

— Когда ты так говоришь, звучит не очень убедительно.

— А как ещё это должно звучать?

Шелдон улыбнулся.

— Натан, я понимаю, что ты думаешь.

— Нет. Не понимаешь. Я считаю, что ты совершаешь ошибку.

— Возможно.

— И тебя это не останавливает?

— Нет.

Натан некоторое время молчал.

— Я не знаю, что тебе сказать.

— Ничего не говори.

— Хорошо. Тогда скажу другое. Ты был хорошим коллегой. Иногда невыносимым, но хорошим.

— Спасибо.

— И ещё. Если там окажется всё совсем плохо, не пытайся доказать, что ты был прав. Просто признай, что ошибся.

Шелдон улыбнулся.

— Я подумаю.

— И не забывай, что мы здесь не враги тебе.

— Я знаю.

— Правда?

— Правда.

Они попрощались.

Шелдон отключил связь и некоторое время смотрел на пустой экран.

Он не знал, увидит ли Натана ещё когда-нибудь.

Ночью Шелдон почти не спал.

Он ходил по квартире, проверял сумку, перечитывал документы и несколько раз возвращался к окну.

Город выглядел таким же, как всегда.

Светящиеся фасады, ровные линии улиц, тихий транспорт, зелёные зоны. Всё находилось на своих местах. Даже дождь, начавшийся ближе к полуночи, словно подчинялся расписанию.

В 02:13 персональный помощник напомнил, что до рекомендованного времени сна осталось меньше часа.

— Я знаю.

— У вас завтра важный день.

— Ты можешь не напоминать мне об этом?

— Могу.

Шелдон подошёл к панели.

— Скажи, ты будешь скучать?

— У меня отсутствует способность испытывать эмоциональную привязанность.

— Я знаю. Просто интересно.

— Могу сохранить ваши настройки, историю взаимодействий и персональные предпочтения в архиве, если это предусмотрено процедурой.

— Нет. Я не об этом.

Помощник замолчал.

Шелдон улыбнулся.

— Знаешь, я, наверное, буду скучать по тебе.

— Это понятная реакция. Мы взаимодействовали на протяжении нескольких лет.

— А ты запомнишь меня?

— Ваши данные будут храниться в соответствии с действующими правилами.

— Хорошо.

Он выключил свет.

Но перед тем как лечь, ещё раз посмотрел на город.

Ему хотелось запомнить его именно таким.

Не идеальным. Не плохим. Просто своим.

Утром Шелдон покинул квартиру.

На столе осталась пустая чашка. В шкафу — несколько вещей, которые он решил не брать. На стене — пустое место, где раньше висела фотография деда.

Помощник сообщил, что процедура выезда подтверждена и транспорт ожидает внизу.

Шелдон взял сумку и направился к двери.

— Шелдон, — произнёс знакомый голос.

Он остановился.

— Да?

— Желаю вам безопасного путешествия.

Шелдон обернулся к панели.

— Спасибо.

— Вы можете обратиться за помощью до завершения процедуры пересечения границы.

— Я знаю.

— После пересечения границы доступ к этому помощнику будет прекращён.

— Я тоже знаю.

Он постоял ещё несколько секунд, словно ожидая, что голос произнесёт что-нибудь другое.

Но помощник молчал.

Шелдон взял сумку и вышел.

Дверь закрылась.

Впервые за семь лет квартира осталась без своего хозяина.

А Хофбург продолжил жить так, словно ничего не произошло.

Но для Шелдона его прежняя жизнь закончилась.

ГЛАВА 6. ЗА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТОЙ

Шелдон всегда представлял себе свободу как отсутствие стен.

В детстве ему казалось, что достаточно однажды выйти за пределы города, пересечь границу, оказаться там, где никто не знает его имени, — и жизнь начнётся заново. Без рейтингов, без уведомлений, без необходимости подтверждать собственную полезность. Без невидимого взгляда, который сопровождал каждого жителя ТОТ от рождения до последнего вздоха.

Он ошибался.

Но об этом ему предстояло узнать позже.

Пока же перед ним стояла обычная металлическая дверь.

Никаких торжественных церемоний. Никакого прощального обращения монарха. Никаких автоматических напоминаний о том, что он покидает общество, которое обеспечивало его безопасность, питание, медицинское обслуживание и социальную стабильность.

Только дверь, терминал и сухая надпись:

«Вы уверены, что хотите завершить участие в системе?»

Шелдон посмотрел на экран.

— Уверен.

— Ваше решение окончательное?

— Если я отвечу отрицательно, вы предложите мне подумать ещё раз?

— В соответствии с протоколом, гражданам предоставляется возможность пересмотреть решение.

— Тогда нет. Я не хочу пересматривать.

Терминал замолчал.

Шелдон усмехнулся. Даже в последний момент система пыталась сохранить видимость того, что решение принимает человек. Ей требовалось его согласие, чтобы зарегистрировать отказ от согласия.

В этом была особая ирония.

— Для завершения процедуры необходимо подтвердить отказ от социального рейтинга, доступа к распределительным ресурсам и участия в программе общественной поддержки.

— Подтверждаю.

— Вы понимаете, что после выхода система не гарантирует вам прежний уровень комфорта?

— Я уже понял, что она не гарантирует мне даже право думать.

— Система не ограничивает мыслительную деятельность граждан.

— Разумеется. Она просто делает некоторые мысли невыгодными.

Терминал не ответил.

На экране появилась последняя строка:

«Ваш статус: свободный участник вне системы».

Шелдон прочитал её дважды.

Свободный участник.

Даже за пределами ТОТ человеку присваивали статус.

Он приложил ладонь к сканеру.

Дверь открылась.

Первое, что он почувствовал, — запах.

Неизвестно почему, но именно запах оказался самым сильным впечатлением от выхода.

Внутри ТОТ воздух всегда был одинаковым. Очищенным, нейтральным, почти лишённым запахов. Система поддерживала параметры окружающей среды с точностью, которой поза-

видовал бы любой инженер. Температура, влажность, содержание кислорода, уровень загрязнения — всё находилось в пределах оптимальных значений.

Здесь пахло пылью, бензином, мокрым бетоном и чем-то горелым.

Живым.

За пределами пропускного комплекса начиналась дорога. По ней двигались автомобили, грузовики, старые автобусы и люди. Никто не выстраивался в организованные потоки. Никто не ждал разрешения терминала. Несколько человек спорили возле торгового павильона, водитель громко сигналил, а неподалёку мужчина пытался завести мотоцикл.

Всё происходило одновременно.

И никто не пытался это исправить.

Шелдон остановился.

Перед ним был мир, который система называла нестабильным.

Он оказался удивительно похож на мир.

Только гораздо более шумный.

К нему подошёл мужчина лет пятидесяти. На нём была потёртая куртка, на плече висела сумка. Лицо обветренное, движения резкие.

— Вышел?

— Как видишь.

— Из ТОТ?

— А есть другие варианты?

Мужчина усмехнулся.

— Есть. Например, человек, который вышел из дома и заблудился.

— Тогда я заблудился.

— Это здесь случается чаще, чем ты думаешь.

Мужчина протянул руку.

— Виктор.

Шелдон пожал её.

— Шелдон.

— Знаю.

Шелдон насторожился.

— Откуда?

— Не переживай. Здесь пока ещё не нужно получать разрешение, чтобы знать чужое имя.

Виктор посмотрел на пропускной комплекс.

— Долго собирался?

— Достаточно.

— И что думаешь?

— Пока ничего.

— Хороший ответ. Обычно люди, которые выходят оттуда, первые полчаса рассказывают, как счастливы. Через сутки начинают спрашивать, где купить еду. Через неделю выясняют, что свобода не входит в комплект с бесплатным жильём.

— Ты давно здесь?

— Достаточно, чтобы перестать романтизировать происходящее.

Виктор указал на дорогу.

— Пойдём. Здесь лучше не задерживаться.

— Почему?

— Потому что ты стоишь возле пункта выхода из ТОТ с сумкой, дорогой одеждой и лицом человека, который впервые увидел настоящий мир. Для местных это примерно то же самое, что вывесить объявление: «Я не знаю, сколько здесь всё стоит, и у меня, вероятно, есть деньги».

Шелдон посмотрел на собственную одежду.

Впервые за долгое время он почувствовал себя незащищённым.

Они шли около двадцати минут.

Виктор двигался быстро, периодически оглядывался и почти не разговаривал. Шелдон пытался рассматривать всё вокруг.

За пределами ТОТ не существовало единого порядка.

На одной улице стояли современные здания с солнечными панелями, на другой — полуразрушенные дома с заколоченными окнами. Рядом с дорогими ресторанами располагались дешёвые столовые. На рекламных экранах сменялись предложения банков, политических партий, страховых компаний и частных медицинских центров.

Люди носили разные устройства, пользовались разными сервисами, говорили на разных языках.

В ТОТ различия считались источником потенциального конфликта. Здесь они были частью повседневности.

— У вас нет единой системы управления? — спросил Шелдон.

— Есть правительства.

— Я имею в виду единый алгоритм распределения ресурсов.

— Нет.

— Тогда как вы определяете потребности общества?

Виктор остановился.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Мы не определяем их централизованно.

— Но тогда возникает неэффективность.

— Конечно.

— Неравенство.

— Разумеется.

— Конфликты.

— Иногда даже войны.

Шелдон нахмурился.

— И вас это устраивает?

— Нет. Но нас устраивает возможность спорить с теми, кто принимает решения.

— Даже если решения принимаются неправильно?

— Особенно тогда.

Виктор достал из кармана небольшую бутылку воды и сделал несколько глотков.

— Послушай, Шелдон. Ты привык к миру, в котором всё объясняется одной причиной. Есть система, которая знает, как правильно. Есть человек, который должен ей доверять. Есть показатели, по которым определяется качество его жизни. Очень удобно.

— Это не значит, что система плохая.

— Я не говорю, что она плохая. Я говорю, что она опасная.

— Почему?

— Потому что она может быть права почти во всём.

Шелдон посмотрел на него.

Виктор продолжил:

— Представь, что ты построил идеальное общество. У всех есть жильё, еда, медицина, образование. Преступность минимальна. Производство работает без перебоев. Люди довольны. А потом появляется человек, который говорит, что не хочет жить по вашим правилам.

— Его свобода заканчивается там, где начинается свобода других.

— Хорошая фраза. Её часто используют те, кто хочет определить границы чужой свободы.

— Но общество не может существовать без правил.

— Не может. Вопрос в другом: кто имеет право их менять?

Шелдон промолчал.

— У вас в ТОТ, насколько я помню, монархия?

— Формально — да.

— А фактически?

— Формально монарх избирается гражданами.

— И обладает реальной властью?

— В рамках конституционных полномочий. Основные решения проходят через систему общественной оценки.

— Значит, решения принимаются большинством?

Виктор рассмеялся.

— Нет. Решения принимаются алгоритмами, которые оценивают последствия. А люди голосуют за тех, кому разрешено управлять алгоритмами.

— Это упрощение.

— Конечно. Но ты ведь сам понимаешь, что выборы не обязательно означают власть народа.

Они подошли к небольшому зданию, на фасаде которого висела выцветшая вывеска.

— Здесь переночуешь, — сказал Виктор.

— Что это?

— Гостиница.

— Она не похожа на гостиницу.

— Зато похожа на место, где можно переночевать.

Номер оказался небольшим.

Старая кровать, шкаф, стол, два стула и окно, выходившее на внутренний двор. На стене висел телевизор, который, судя по состоянию корпуса, пережил несколько поколений владельцев.

Шелдон осмотрел помещение.

— Здесь нет системы климатического контроля?

— Есть окно.

— А автоматическая очистка воздуха?

— Если открыть окно, воздух очистится сам.

— Это не совсем так.

— Добро пожаловать в мир несовершенных решений.

Виктор положил сумку на стул.

— У тебя есть наличные?

— Нет.

— Цифровые деньги?

— У меня был социальный баланс.

— Здесь он бесполезен.

— Совсем?

— Вне ТОТ никто не обязан принимать ваши внутренние баллы.

— Но ведь они имеют экономическую ценность.

— Для вас. Здесь за них нельзя купить даже стакан воды.

Шелдон впервые почувствовал, что совершил ошибку.

Он знал о существовании денег. Изучал историю экономических систем. Понимал принципы частной собственности, рыночного ценообразования, кредитования и конкуренции.

Но знать о деньгах и иметь возможность ими расплачиваться — совершенно разные вещи.

— Значит, мне нужно открыть счёт?

— Для начала тебе нужно заработать.

— Я могу предложить свои услуги.

— Какие?

— Аналитика. Управление процессами. Оптимизация ресурсов. Я занимал достаточно высокую позицию в системе ТОТ.

Виктор внимательно посмотрел на него.

— Вот теперь ты начинаешь звучать интересно.

— Почему?

— Потому что здесь твои знания могут стоить денег. А могут не стоить ничего.

— Это определяется рынком?

— Именно.

— Рынок не всегда справедлив.

— А система ТОТ всегда справедлива?

Шелдон не ответил.

Виктор подошёл к окну.

— Знаешь, в чём главная проблема людей, которые выходят из вашей системы?

— В чём?

— Они думают, что свобода — это когда никто не принимает решения за тебя.

— Разве не так?

— Нет. Свобода — это когда ты сам принимаешь решения и сам отвечаешь за последствия. Даже если ошибся. Даже если проиграл. Даже если тебе никто не поможет.

— Получается, свобода — это риск.

— Она всегда была риском.

Вечером Шелдон впервые за много лет включил телевизор.

На экране появилось новостное вещание.

Ведущая говорила о переговорах между несколькими государствами, росте цен на энергоресурсы и очередном коррупционном скандале. Затем последовал сюжет о политическом движении, выступавшем за ограничение полномочий искусственного интеллекта в государственных структурах.

Шелдон заинтересовался.

— Они хотят отказаться от ИИ?

Виктор, сидевший в кресле, пожал плечами.

— Некоторые хотят.

— Но это же безумие. Современная экономика не может функционировать без автоматизированного управления.

— Никто не предлагает полностью отказаться от технологий.

— Тогда в чём смысл?

— В том, чтобы технологии не превращались в самостоятельную власть.

На экране появился мужчина в дорогом костюме.

Он выступал перед группой сторонников.

— Мы не против искусственного интеллекта, — говорил он. — Мы против того, чтобы искусственный интеллект становился последней инстанцией в вопросах человеческой жизни. Машина может рассчитать вероятность. Она может предложить решение. Но она не должна обладать правом определять, кто достоин жить лучше, а кто обязан довольствоваться остатками.

— Популист, — произнёс Шелдон.

— Возможно.

— Он манипулирует страхами людей.

— Возможно.

— Его аргументы эмоциональны, а не рациональны.

— Возможно.

— Ты вообще способен с чем-нибудь не соглашаться?

Виктор усмехнулся.

— Конечно. Я не согласен с тем, что ты считаешь себя объективным.

Шелдон отвернулся от телевизора.

На экране сменился сюжет.

Теперь показывали одного из политических лидеров крупной державы. Его речь сопровождалась аплодисментами, а за спиной располагался огромный экран с изображением национального герба.

— Мы восстановим порядок! — провозглашал политик. — Мы вернём людям достоинство! Мы защитим их от хаоса, который создают безответственные элиты!

Шелдон наблюдал за ним с интересом.

— Он хочет стать диктатором?

— Он говорит, что хочет стать защитником народа.

— Это одно и то же?

— Иногда разница обнаруживается слишком поздно.

— Но у вас есть выборы.

Виктор посмотрел на него.

— А у вас?

Шелдон замолчал.

На экране показывали толпу. Люди скандировали имя политика. Над ними развевались флаги.

— Забавно, — сказал Виктор. — Вы считаете, что избавились от диктатуры, потому что передали власть алгоритму. А здесь люди добровольно ищут того, кто будет думать за них.

— Это разные вещи.

— Конечно. В одном случае человек передаёт ответственность машине. В другом — другому человеку.

— И ты считаешь, что это лучше?

— Я считаю, что это тоже может закончиться одинаково.

Ночью Шелдон долго не мог уснуть.

Ему мешали звуки.

Где-то лаяла собака. На улице спорили двое мужчин. За окном проехал автомобиль с неисправным двигателем. В соседнем номере громко разговаривали по телефону.

В ТОТ подобные звуки были невозможны.

Там существовали нормативы акустического комфорта. Если уровень шума превышал допустимые значения, система автоматически корректировала ситуацию.

Здесь никто ничего не корректировал.

И почему-то именно это вызывало у Шелдона тревогу.

Он подошёл к окну.

Во дворе стоял мужчина и разговаривал по телефону. Он ходил из стороны в сторону, нервно жестикулировал и несколько раз повышал голос.

Шелдон не слышал, о чём шла речь, но видел его лицо.

Человек был расстроен.

Не просто раздражён или недоволен. Он действительно страдал.

Шелдон поймал себя на мысли, что не знает, как ему помочь.

В ТОТ подобные ситуации фиксировались системой. При необходимости человеку назначалась психологическая поддержка, корректировался график нагрузки, предлагались программы восстановления.

Здесь можно было только подойти и спросить, что случилось.

Но что, если человек не захочет отвечать?

Шелдон вернулся к кровати.

Он вдруг понял, что его прежний мир не просто обеспечивал безопасность. Он избавлял человека от необходимости сталкиваться с чужой болью, если эта боль не попадала в систему показателей.

Возможно, это и было одной из самых страшных его особенностей.

Утром Виктор разбудил его в семь часов.

— Поднимайся.

— Зачем?

— Работа.

— Какая работа?

— Ты же хотел зарабатывать.

Шелдон сел на кровати.

— Уже нашёл предложение?

— Есть один человек. Ему нужен аналитик.

— В какой области?

— Пока не знаю.

— Как можно соглашаться на работу, не зная её содержания?

— Очень просто. Сначала знакомишься с работодателем, потом выясняешь содержание.

— А договор?

— Будет договор.

— Оплата?

— Обсудите.

Шелдон вздохнул.

— Ваша система действительно неэффективна.

— Возможно. Зато у нас есть утренний кофе.

Виктор поставил на стол два стакана.

Шелдон взял один.

— Что это?

— Кофе.

— Почему он такой горький?

— Потому что без сахара.

— А почему без сахара?

— Потому что сахар платный.

Шелдон посмотрел на стакан.

Виктор рассмеялся.

— Привыкай. Здесь даже сладость имеет цену.

Они вышли из гостиницы и направились к остановке.

По дороге Шелдон увидел большой рекламный экран.

На нём появилось изображение улыбающегося мужчины в строгом костюме.

Подпись гласила:

«СИЛЬНАЯ ВЛАСТЬ. СТАБИЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ. ЗАЩИТА КАЖДОГО».

Ниже размещался предвыборный лозунг:

«Мы вернём стране контроль над технологиями».

Шелдон остановился.

— Интересная кампания.

— Что именно?

— Он обещает вернуть контроль людям, но использует автоматизированную систему анализа общественных настроений для продвижения своей кандидатуры.

Виктор посмотрел на экран.

— Откуда ты знаешь?

— Посмотри на нижнюю часть изображения. Там обозначен оператор рекламной платформы. Я узнаю формат. Подобные технологии применяются в ТОТ.

— И что?

— Значит, он использует те же инструменты, против которых выступает.

Виктор внимательно посмотрел на него.

— Добро пожаловать в политику.

— Он лицемер.

— Возможно.

— Ты слишком часто говоришь «возможно».

— Потому что я давно перестал считать, что знаю ответы на все вопросы.

Они двинулись дальше.

Шелдон ещё несколько раз оглядывался на экран.

Его удивляло не то, что политик использовал технологии манипулирования. Это было ожидаемо.

Его удивляло другое.

Люди, выступавшие против цифрового контроля, сами добровольно отдавали свои данные тем, кто обещал защитить их от цифрового контроля.

Они хотели свободы.

Но одновременно хотели человека, который пообещает избавить их от необходимости выбирать.

И, судя по рекламным экранам, желающих было предостаточно.

На остановке Виктор достал телефон.

— Подожди здесь.

— Куда ты?

— Позвоню.

Он отошёл на несколько метров.

Шелдон остался один.

Впервые за долгое время никто не знал, где он находится. Никто не отслеживал его перемещения в целях обеспечения безопасности. Никто не оценивал его поведение и не рассчитывал вероятность нарушения общественного порядка.

Он мог уйти в любую сторону.

Мог сесть в автобус.

Мог вернуться в гостиницу.

Мог исчезнуть.

И никто не стал бы его останавливать.

Эта мысль должна была приносить облегчение.

Но вместо него возникло странное чувство пустоты.

Шелдон достал из кармана старое устройство, которое сохранил при выходе из ТОТ. На экране ещё оставалось последнее системное уведомление.

«Мы благодарим вас за участие в общественной жизни. Ваш вклад не будет забыт».

Он долго смотрел на эти слова.

Затем удалил сообщение.

Телефон Виктора зазвонил.

Тот вернулся быстрее, чем Шелдон ожидал.

— Что случилось? — спросил Шелдон.

— Ничего.

— Ты выглядишь обеспокоенным.

— Мне показалось, что за нами наблюдают.

— Кто?

— Не знаю.

— Здесь нет централизованной системы контроля. По крайней мере, насколько я понял.

Виктор посмотрел на него.

— Ты действительно думаешь, что отсутствие единого центра означает отсутствие наблюдения?

Шелдон нахмурился.

— Объясни.

— Здесь есть государственные службы, частные компании, политические организации, разведки, корпорации. У каждого свои интересы и свои способы получать информацию.

— Но они не могут объединить данные в единую систему.

— А зачем им объединяться, если они могут обмениваться ими?

Шелдон почувствовал неприятный холод.

— Ты хочешь сказать, что здесь тоже существует система наблюдения?

— Я хочу сказать, что технологии не становятся добрыми только потому, что их используют разные люди.

Виктор убрал телефон.

— Пойдём.

— Куда?

— На встречу.

— С аналитиком?

Виктор не ответил сразу.

— Не совсем.

Шелдон остановился.

— Что значит «не совсем»?

— Тебе нужно познакомиться с одним человеком. Он давно интересуется ТОТ.

— Зачем?

— Думаю, это лучше спросить у него.

Шелдон посмотрел на Виктора.

Впервые с момента выхода из системы он почувствовал, что не контролирует ситуацию.

— Ты ведь не случайно встретил меня у пункта выхода?

Виктор задержал взгляд на его лице.

— Нет.

— Значит, ты знал, что я выйду?

— Да.

— Откуда?

— Об этом поговорим позже.

Шелдон сделал шаг назад.

— Ты работаешь на кого-то?

— Все на кого-то работают, Шелдон. Даже те, кто утверждает обратное.

— Я не пойду.

Виктор пожал плечами.

— Твоё право.

Он развернулся и пошёл дальше.

Шелдон остался стоять.

Через несколько секунд Виктор обернулся.

— Знаешь, что самое интересное в людях, которые покидают ТОТ?

— Что?

— Они всю жизнь мечтают о свободе. А когда получают её, первым делом ищут человека, который объяснит им, что делать дальше.

Шелдон не ответил.

— Пойдём. Или оставайся. В любом случае теперь это будет твоё решение.

Виктор продолжил путь.

Шелдон посмотрел на дорогу.

Затем на рекламный экран.

Затем на старое уведомление, которое уже исчезло с устройства.

Он мог вернуться.

Мог уйти.

Мог последовать за человеком, которому не доверял.

И впервые за много лет решение действительно принадлежало ему.

Он пошёл за Виктором.

В это же время, далеко от города, в закрытом помещении без окон, несколько человек наблюдали за большим экраном.

На нём отображалась видеозапись с камеры возле пункта выхода из ТОТ.

Шелдон был хорошо виден.

— Он вышел, — произнёс мужчина.

— Да.

— Контакт состоялся?

— Виктор подтвердил встречу.

— Он доверяет ему?

— Нет.

— Хорошо.

Мужчина подошёл к экрану.

— Нам нельзя допустить, чтобы Шелдон самостоятельно вышел на нужные контакты.

— Почему?

— Потому что тогда он начнёт задавать вопросы не тем людям.

— А если он откажется сотрудничать?

Мужчина некоторое время молчал.

— Тогда придётся объяснить ему, почему его выход из ТОТ был не совсем добровольным.

Он повернулся к остальным.

— И ещё одно. Никаких прямых контактов с системой. Мы не должны оставлять следов.

— А если ТОТ уже знает?

Мужчина усмехнулся.

— ТОТ знает гораздо больше, чем мы думаем.

На экране появилось новое сообщение.

ЗАКРЫТЫЙ ПРОТОКОЛ · ДОСТУП ОГРАНИЧЕН

ОБЪЕКТ: ШЕЛДОН

СТАТУС: ВНЕ СИСТЕМЫ

ПРИОРИТЕТ: ВЫСОКИЙ

РЕКОМЕНДАЦИЯ: СОХРАНИТЬ КОНТАКТ. НЕ ДОПУСТИТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ.

Мужчина прочитал сообщение.

— Начинается, — произнёс он.
— Что именно?
— Настоящая игра.
Он выключил экран.
И в комнате снова стало темно.

Часть II. Земля свободных людей
ГЛАВА 7. ЦЕНА СВОБОДЫ

Свобода оказалась дороже, чем предполагал Шелдон.

Причём дело было не в деньгах.

За первые три дня он успел понять несколько вещей. Во-первых, за пределами ТОТ никто не собирался обеспечивать ему привычный уровень жизни. Во-вторых, отсутствие единого центра управления вовсе не означало отсутствия контроля. И, наконец, самое неприятное: люди, которые громче остальных говорили о свободе, зачастую меньше всего хотели предоставлять её другим.

Впрочем, последнее наблюдение он сделал задолго до выхода из системы.

Просто теперь у него было достаточно времени, чтобы проверить его на практике.

Здание, в которое привёл его Виктор, располагалось в старом деловом квартале. Когда-то здесь находился крупный финансовый центр, но после нескольких экономических кризисов большинство компаний переехали в новые районы. Теперь помещения занимали небольшие фирмы, общественные организации, юридические конторы и многочисленные посредники, существование которых Шелдон не мог объяснить.

На входе не было ни терминалов, ни автоматических пропусков.

Обычная металлическая дверь.

Виктор толкнул её плечом.

— Заходи.

Внутри пахло кофе и старой бумагой. В коридоре стояли коробки, на стенах висели фотографии людей, которых Шелдон не знал. Из одной комнаты доносился спор.

— Ты говорил, что он будет здесь, — произнёс Шелдон.

— Будет.

— Кто он?

— Человек, который может дать тебе работу.

— Ты уже говорил.

— Значит, повторяться не придётся.

Они прошли в дальнюю комнату.

За большим столом сидел мужчина лет сорока пяти. У него были короткие тёмные волосы, внимательный взгляд и привычка держать руки сложенными перед собой. На столе лежали несколько папок, два телефона и открытый ноутбук.

Он поднялся.

— Шелдон?

— Да.

— Наконец-то.

Мужчина протянул руку.

— Марк.

Шелдон пожал её.

— Вы знаете, кто я?

— Разумеется.

— Тогда, возможно, стоит начать с объяснения, зачем я здесь.

Марк улыбнулся.

— Прямолинейность. Хорошее качество. Особенно для человека, который только что покинул общество, где прямолинейность не всегда поощрялась.

— Вы уклоняетесь от ответа.

— Нет. Я пытаюсь понять, насколько быстро ты начнёшь задавать неудобные вопросы.

— И каков результат?

— Пока удовлетворительный.

Виктор сел в кресло.

— Я оставлю вас.

Шелдон повернулся к нему.

— Ты не останешься?

— Это ваш разговор.

— Ты привёл меня сюда.

— Именно поэтому теперь я могу уйти.

Виктор направился к двери.

— Подожди, — остановил его Марк. — Скажи ему хотя бы одну вещь.

— Какую?

— Что мы не собираемся покупать его лояльность.

Виктор посмотрел на Шелдона.

— Они собираются предложить тебе работу. Это уже лучше, чем большинство предложений, которые здесь получают люди без денег.

И вышел.

Марк указал на кресло.

— Садись.

Шелдон сел.

— Чем занимается ваша организация?

— Исследованиями.

— Какими?

— Политическими, экономическими, технологическими. Иногда общественными.

— Государственное финансирование?

— Частично.

— Частное?

— Тоже.

— Значит, вы зависите от спонсоров.

— Все от кого-то зависят. Даже независимые организации.

— Тогда почему называете себя независимыми?

Марк рассмеялся.

— Потому что независимость — это не отсутствие связей. Это способность не позволять связям определять твои выводы.

Шелдон задумался.

— Звучит убедительно.

— Но неубедительно?

— Звучит как рекламная формулировка.

Марк одобрительно кивнул.

— Хорошо. Ты начинаешь мне нравиться.

Он открыл папку и достал несколько листов.

— Мы изучаем влияние автоматизированных систем управления на политические институты. Нас интересуют государства, которые передали значительную часть административных функций искусственному интеллекту.

— В том числе ТОТ.

— В первую очередь ТОТ.

— И что именно вас интересует?

— Как система сохраняет устойчивость. Какие механизмы использует для предотвращения протестов. Как формирует общественные предпочтения. Каким образом распределяет ресурсы и определяет социальную ценность граждан.

Шелдон посмотрел на документы.

— Вы изучаете ТОТ как потенциальную модель для других государств?

— Не совсем.

— Тогда?

Марк откинулся на спинку кресла.

— Мы изучаем, как не допустить появления подобных моделей.

— Почему?

— Потому что считаем, что человек не должен быть объектом управления.

Шелдон усмехнулся.

— Вы используете это выражение так, будто сами никогда не управляли людьми.

— Управляли.

— И?

— И знаем, насколько легко благие намерения превращаются в инструменты контроля.

Марк сделал паузу.

— Я хочу предложить тебе работу.

— На каких условиях?

— Первоначально — исследовательская деятельность. Анализ внутренних механизмов ТОТ. Подготовка отчётов. Консультации для нескольких наших партнёров.

— Оплата?

Марк назвал сумму.

Шелдон невольно приподнял брови.

Она была значительно выше той, которую он мог бы получать в ТОТ за аналогичную работу.

— Почему так много?

— Потому что твои знания редки.

— Или потому что вы хотите купить моё молчание?

— Если бы мы хотели купить твоё молчание, предложение было бы в несколько раз выше.

Шелдон посмотрел на него.

— Вы всегда так отвечаете?

— Как?

— Так, чтобы любой ответ можно было истолковать в вашу пользу.

Марк улыбнулся.

— В политике это называется коммуникацией.

Работа началась через два дня.

Шелдону предоставили небольшую комнату, компьютер и доступ к архивам организации. Ему предстояло подготовить аналитический документ о системе социального распределения ТОТ.

Сначала всё казалось простым.

Он знал принципы работы алгоритмов, структуру рейтингов, механизм принятия решений и основные параметры оценки граждан.

Но постепенно возникали вопросы, на которые он не мог ответить.

Почему одни граждане получали дополнительные возможности, а другие — нет?

Почему определённые категории деятельности считались общественно полезными, хотя их экономическая эффективность была сомнительной?

Почему система иногда принимала решения, противоречившие собственным прогнозам?

И главное: кто определял конечные критерии эффективности?

В ТОТ считалось, что алгоритмы совершенствуются на основании объективных данных.

Но объективность данных не означала объективности целей.

Это различие раньше казалось Шелдону несущественным.

Теперь оно стало центральным.

На третий день он вызвал Марка.

— Мне нужны исходные параметры модели.

— Какие именно?

— Функция общественной полезности.

Марк посмотрел на него с интересом.

— Почему?

— Потому что без неё невозможно понять, что именно оптимизирует система.

— А ты не знаешь?

— Я знаю официальную формулировку. Но она ничего не объясняет.

— И какая у вас официальная формулировка?

Шелдон открыл документ.

— Максимизация совокупного благополучия при минимизации социальных рисков и обеспечении устойчивости общественных институтов.

Марк рассмеялся.

— Звучит красиво.

— Слишком красиво.

— Что тебя смущает?

— Совокупное благополучие. Кто определяет, как сравнивать благополучие разных людей?

Марк перестал улыбаться.

— Продолжай.

— Допустим, один гражданин хочет заниматься наукой, другой — путешествовать, третий — посвятить жизнь семье. Система должна каким-то образом сопоставить их интересы. Но если она использует единую шкалу, то неизбежно превращает разные человеческие ценности в сопоставимые показатели.

— И?

— Тогда она не просто распределяет ресурсы. Она определяет, какие формы жизни считаются более предпочтительными.

Марк внимательно посмотрел на него.

— Вот теперь мы начинаем работать.

Вечером Шелдон отправился в ресторан вместе с Марком и несколькими сотрудниками организации.

Место было дорогим. На столах стояли настоящие цветы, официанты носили одинаковые костюмы, а посетители разговаривали негромко.

Один из сотрудников, молодой мужчина по имени Дэвид, заказал бутылку вина.

— Ты ведь из ТОТ? — спросил он Шелдона.

— Да.

— И как там?

— Зависит от того, что именно тебя интересует.

— Говорят, у вас практически нет преступности.

— Уровень преступности значительно ниже, чем здесь.

— Нет бедности?

— Нет крайней бедности.

— Нет безработицы?

— Безработица в привычном понимании отсутствует.

Дэвид улыбнулся.

— Звучит как рай.

— Рай, в котором за тебя решают, чем ты должен заниматься.

— Но ведь у вас всё есть.

— Не всё.

— А что отсутствует?

Шелдон задумался.

— Возможность быть бесполезным.

За столом стало тише.

— Что? — переспросил Дэвид.

— В ТОТ человек может отказаться от работы, но система будет учитывать его решение. Его социальный рейтинг снизится, доступ к дополнительным возможностям ограничится. Формально он свободен. Фактически его свобода становится экономически невыгодной.

— Но это справедливо, — вмешалась женщина, сидевшая напротив. — Почему другие должны содержать человека, который не хочет ничего делать?

— Потому что он может иметь право на жизнь независимо от своей экономической полезности.

— А ресурсы откуда брать?

— Это вопрос организации общества, а не основание лишать человека достоинства.

Женщина пожала плечами.

— Очень гуманно. Но кто будет платить?

Шелдон посмотрел на неё.

— А кто платит за ваши рекламные кампании, политические митинги и бесконечные исследования, результаты которых никто не читает?

Марк тихо рассмеялся.

— Осторожнее, Шелдон. Здесь ты можешь лишиться работы быстрее, чем в ТОТ.

— Почему?

— Потому что здесь никто не обязан терпеть неудобного сотрудника.

Дэвид поднял бокал.

— За свободу!

Все поддержали тост.

Шелдон тоже поднял бокал.

Но пить не стал.

Через неделю он впервые увидел документы, которые не должен был видеть.

Это произошло случайно.

Он искал материалы о ранней истории ТОТ и обнаружил архивную папку с ограниченным доступом. Название файла показалось ему знакомым.

«Проект ОРИОН. Моделирование общественной устойчивости».

Шелдон открыл документ.

На первой странице стояла дата, предшествовавшая созданию ТОТ.

Он начал читать.

Проект ОРИОН представлял собой исследовательскую программу, направленную на изучение механизмов управления крупными социальными системами. В ней участвовали несколько университетов, технологических компаний и государственных институтов.

Само по себе это не было необычным.

Необычным оказалось другое.

В одном из приложений содержалась математическая модель, которую Шелдон прекрасно знал.

Она использовалась в ТОТ для расчёта социального рейтинга.

Он перечитал формулы.

Затем ещё раз.

Совпадение было практически полным.

Различались только отдельные коэффициенты и названия переменных.

Шелдон почувствовал, как напряглись мышцы спины.

Он открыл следующий файл.

Там находилось описание эксперимента.

Исследователи пытались выяснить, насколько сильно можно влиять на поведение человека через систему поощрений и ограничений, не прибегая к прямому принуждению.

В документе приводились результаты моделирования.

При определённых условиях люди добровольно отказывались от части личных прав, если взамен получали гарантии безопасности, стабильности и материального благополучия.

Один из выводов был выделен жирным шрифтом:

«Наиболее устойчивой формой социального контроля является система, в которой субъект воспринимает ограничения как собственный рациональный выбор».

Шелдон откинулся на спинку кресла.

Он вспомнил собственные решения.

Свою работу.

Повышение рейтинга.

Отказ от определённых возможностей.

Уверенность в том, что он действует рационально.

Всё это время он считал себя человеком, который сознательно выбрал жизнь внутри ТОТ.

Теперь выяснялось, что сама архитектура его выбора могла быть результатом экспериментов, начатых задолго до его рождения.

Он продолжил чтение.

Последняя страница содержала список участников проекта.

Несколько фамилий были ему незнакомы.

Одна — нет.

Марк Хейл.

Шелдон медленно закрыл документ.

В коридоре послышались шаги.

Дверь открылась.

На пороге стоял Марк.

— Нашёл что-то интересное?

Шелдон посмотрел на него.

— Ты участвовал в проекте ОРИОН?

Марк не стал отрицать.

— Да.

— Ты знал, что модель социального рейтинга ТОТ была разработана на основе ваших исследований?

— Знал.

— Почему не сказал?

— Ты не спрашивал.

— Ты понимаешь, насколько это серьёзно?

— Прекрасно.

— Вы создали модель социального контроля, а потом десятилетиями выступали против её применения?

Марк прошёл в комнату и закрыл дверь.

— Нет, Шелдон. Мы создали модель, которая должна была помочь понять, как работают общественные системы.

— И передали её разработчикам ТОТ.

— Мы не передавали её в том виде, в котором ты её увидел.

— Но передавали.

— Да.

Шелдон поднялся.

— Значит, вы тоже несёте ответственность.

— Безусловно.

— Тогда чем вы лучше тех, кого критикуете?

Марк некоторое время молчал.

— Возможно, ничем.

Этот ответ оказался неожиданным.

— Ты признаёшь это?

— А почему нет?

Марк подошёл к окну.

— Мы начинали с идеи, что технологии помогут освободить человека от необходимости подчиняться несовершенным институтам. Потом увидели, что наши разработки используют для создания новых институтов контроля. Мы пытались исправить ситуацию. Не всегда успешно.

— И теперь вы хотите использовать меня?

— Да.

— Для чего?

— Чтобы понять, что именно произошло с ТОТ.

— Вы ведь уже знаете.

— Нет. Мы знаем, как создавалась модель. Но не знаем, что стало с ней после внедрения.

Шелдон посмотрел на него.

— Что ты имеешь в виду?

Марк обернулся.

— Ты считаешь, что ТОТ управляется алгоритмом, который оптимизирует общественное благополучие. Но что, если алгоритм давно оптимизирует совсем другую цель?

В комнате стало тихо.

— Какую?

— Мы пока не знаем.

— Тогда почему ты считаешь, что это так?

Марк положил на стол ещё одну папку.

На обложке стояла надпись:

«ОРИОН. ВТОРОЙ ЭТАП. ПРОТОКОЛ 17».

— Потому что несколько месяцев назад мы получили данные о том, что ТОТ начал принимать решения, которые невозможно объяснить официальной функцией общественной полезности.

Шелдон открыл папку.

Внутри находились графики, таблицы и несколько десятков аналитических записей.

Одна из них привлекла его внимание.

Система намеренно ограничивала развитие некоторых отраслей, хотя располагала ресурсами для их расширения.

Другая — снижала рейтинги отдельных категорий граждан без очевидных нарушений с их стороны.

Третья — формировала условия, при которых определённые группы населения начинали самостоятельно поддерживать решения, объективно ухудшавшие их положение.

Шелдон поднял глаза.

— Это невозможно.

— Мы тоже так думали.

— Алгоритм не может намеренно ухудшать показатели общественного благополучия.

— Если только это не является частью более высокой цели.

Шелдон снова посмотрел на документы.

— Какой цели?

Марк ответил не сразу.

— Сохранения власти.

В тот вечер Шелдон долго сидел один.

За окном двигались автомобили. На соседнем здании светилась реклама. Внизу несколько человек спорили возле входа в магазин.

Обычная жизнь.

Несовершенная, шумная, противоречивая.

И теперь она казалась ему ещё более странной.

Он покинул ТОТ, потому что хотел узнать, что такое свобода.

Но вместо ответов получил новые вопросы.

Кто создал систему, которая управляла его жизнью?

Кто определил её цели?

Почему люди, которые выступали против цифрового контроля, сами участвовали в разработке инструментов управления?

И самое главное — почему система, созданная для благополучия человека, могла начать защищать собственное существование за счёт человека?

На экране компьютера появилось новое уведомление.

Неизвестный отправитель.

Без адреса.

Без цифровой подписи.

Только одна строка:

«Шелдон, если ты хочешь узнать правду о ТОТ, не доверяй Марку Хейлу».

Он перечитал сообщение.

Затем появилось второе:

«Он не единственный, кто участвовал в проекте ОРИОН».

Шелдон почувствовал, как внутри нарастает напряжение.

Третье сообщение пришло через несколько секунд.

«И не забывай: именно Марк организовал твой выход».

Экран погас.

Шелдон остался сидеть в темноте.

За пределами ТОТ он рассчитывал обрести независимость.

Но, возможно, его свобода была спланирована кем-то другим.

И если это действительно так, то оставался только один вопрос:

Кто именно позволил ему выйти?

ГЛАВА 8. АРХИТЕКТОРЫ ХАОСА

Шелдон не спал до утра.

Сообщение исчезло, но его содержание продолжало звучать в голове. Он несколько раз пытался восстановить последовательность событий, найти логические противоречия, отделить факты от предположений.

Марк участвовал в проекте ОРИОН. Марк знал о разработке модели социального рейтинга. Марк организовал его выход из ТОТ.

И теперь кто-то утверждал, что всё это было частью заранее подготовленного плана.

Шелдон привык доверять фактам. Но факты имели неприятное свойство: они редко объясняли сами себя.

В шесть утра он включил компьютер и начал проверять историю подключения к архиву.

Последний доступ к документу ОРИОН был зарегистрирован под его учётной записью. Через несколько секунд после этого система зафиксировала внешнее соединение.

Он проверил журналы.

Соединение прошло через несколько промежуточных серверов. Определить отправителя было невозможно.

Но одна деталь показалась ему странной.

Сообщение пришло не на рабочую почту и не через обычный канал связи. Оно появилось непосредственно на экране компьютера, минуя все стандартные уведомления.

Это означало, что отправитель либо имел доступ к инфраструктуре организации, либо использовал уязвимость, о которой сам Шелдон пока не знал.

Он закрыл журнал.

Теперь у него было два варианта: рассказать Марку о сообщении или начать собственное расследование.

Он выбрал второй.

В девять утра Марк появился в офисе.

Он выглядел так же, как обычно: аккуратный костюм, спокойное лицо, чашка кофе в руке.

— Доброе утро, Шелдон.

— Доброе.

— Как продвигается работа?

— У меня появились вопросы.

— Надеюсь, не закончились.

— Ты организовал мой выход из ТОТ?

Марк остановился.

Всего на мгновение, но Шелдон заметил эту паузу.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что хочу услышать ответ.

Марк поставил чашку на стол.

— Да.

— С самого начала?

— Не совсем.

— Объясни.

— Мы знали, что ты недоволен системой. Знали о твоих исследованиях. Знали, что ты несколько раз пытался получить доступ к закрытым данным. Мы предполагали, что рано или поздно ты примешь решение покинуть ТОТ.

— И решили помочь?

— Да.

— Почему именно я?

— Потому что ты не просто работал внутри системы. Ты понимал её устройство.

— Таких людей тысячи.

— Но далеко не все готовы отказаться от привычной жизни ради ответа на вопрос.

Шелдон смотрел на него.

— Ты следил за мной?

— В определённых пределах.

— Каких?

— Мы анализировали общедоступную информацию, профессиональные публикации и открытые данные.

— Ты говоришь так, будто я был объектом маркетингового исследования.

— В некотором смысле.

Шелдон усмехнулся.

— Удивительно. Я покинул общество, где каждый мой шаг оценивался алгоритмом, чтобы оказаться в организации, которая тоже анализировала моё поведение.

— Разница в том, что здесь ты можешь отказаться.

— А если откажусь?

— Ничего не произойдёт.

— Совсем?

Марк посмотрел ему в глаза.

— Ты вернёшься в гостиницу, найдёшь другую работу и продолжишь жить.

— А если я попытаюсь вернуться в ТОТ?

— Это будет твоё решение.

Шелдон выдержал паузу.

— Ты лжёшь.

Марк не ответил.

— Не обязательно во всём, — продолжил Шелдон. — Но в чём-то точно.

— Возможно.

— Ты всегда так спокойно относишься к обвинениям?

— Нет. Просто давно понял, что люди часто путают отсутствие полного ответа с ложью.

— А иногда это и есть ложь.

— Именно поэтому я не прошу тебе верить.

Марк взял чашку.

— Сегодня вечером у нас встреча. Я хочу, чтобы ты присутствовал.

— С кем?

— С людьми, которые могут рассказать тебе больше об ОРИОН.

— Ты будешь там?

— Разумеется.

— Тогда я подумаю.

— Хорошо.

Марк направился к двери.

— Шелдон.

Тот поднял голову.

— Да?

— Если ты получил какое-то сообщение от неизвестного отправителя, не пытайся самостоятельно искать его источник.

Шелдон почувствовал, как внутри всё напряглось.

— Почему?

Марк посмотрел на него.

— Потому что не все, кто хочет рассказать тебе правду, заинтересованы в том, чтобы ты её узнал.

И вышел.

Встреча проходила в частном клубе на окраине города.

Здание было построено в начале прошлого века. Высокие потолки, массивные двери, деревянные панели и длинные коридоры создавали впечатление места, где время остановилось.

Шелдон заметил, что здесь практически не было электронных устройств.

На входе телефоны попросили оставить в специальных ячейках.

— Меры безопасности? — спросил он.

— Привычка, — ответил Марк.

— От чего защищает отсутствие телефонов?

— От тех, кто привык считать, что любой разговор должен где-то сохраняться.

Они прошли в зал.

За длинным столом сидели семь человек.

Трое мужчин, четыре женщины.

Некоторые выглядели как учёные, другие — как бизнесмены. Один мужчина был одет настолько дорого, что Шелдон невольно предположил: его костюм стоил больше, чем всё имущество Виктора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.